

На правах рукописи

Тихонова Елена Леонардовна

**СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ФОЛЬКЛОРНОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ
БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА**

Специальность: 10.01.09 – фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Улан-Удэ – 2018

Работа выполнена в отделе литературоведения и фольклористики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Научный консультант: доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук **Игумнов Андрей Георгиевич**

Официальные оппоненты:

Абашева Диана Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы Института филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Козлова Наталья Константиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и культурологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный педагогический университет»

Медведева Галина Витальевна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и методики Педагогического института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет», директор Государственного бюджетного учреждения культуры Иркутской области «Региональный центр русского языка, фольклора и этнографии»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Защита состоится «30» января 2019 г. в 11.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.209.04 при Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и сайте Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН <http://imli.ru/index.php/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04-o/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04/2691-semantika-i-pragmatika-folklornoj-istoricheskoy-prozy-russkikh-starozhilov-bajkalskogo-regiona>

Автореферат разослан «___» декабря 2018 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета, к.филол.н.

Т.В. Говенько

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Местные репертуары различных жанров русского фольклора, в том числе и преданий, сформировались в Сибири под воздействием конкретно-исторических обстоятельств, включая переселенческий фактор. Огромная территория Сибири, более чем в два раза превышающая Европейскую часть России, во второй половине XVI века стала целенаправленно заселяться русскими. Вначале русские постепенно заселяли юг Тобольской губернии, далее Томской, затем южную часть Енисейской и Иркутской губерний. В XVII веке началось заселение и освоение русскими Восточной Сибири, территории вокруг Байкала.

Освоение Восточной Сибири представляло собой сложный и своеобразный процесс. Его особенность состояла в том, что огромная территория с малочисленным населением была присоединена к России без применения сколько-нибудь значительных военных сил. В подавляющем большинстве случаев отряды первопроходцев исчислялись несколькими десятками человек каждый. Освоение новых земель происходило отрядами казаков и стрельцов прежде всего по сибирским рекам. Этносоциальный состав мигрирующего населения был далеко не однородным. Вслед за казаками-первопроходцами в Сибирь двинулись кто по своей воле, а кто и по принуждению пашенные крестьяне, служилые люди, старообрядцы, каторжане, рабочие горных промыслов. И все же главную роль в освоении Сибири ученые отводят крестьянам-земледельцам. Известный исследователь Восточной Сибири В.Н. Шерстобоев писал: «Истинными завоевателями Сибири были не казаки и воеводы, а пашенные крестьяне. Именно они быстро и навсегда решили вопрос – быть ли Сибири китайской, японской, английской или русской»¹. И именно крестьяне-земледельцы, будучи носителями традиционного фольклора, переселяясь в сибирский регион, формировали ядро локальных фольклорных традиций.

История присоединения и освоения сибирского региона легла в основу как летописных повестей (Кунгурской, Есиповской, Строгановской, «Истории сибирской», составленной С.У. Ремезовым), так и устных рассказов, часть из которых со временем, подвергнувшись семантической перекодировке и прагматической переориентации, трансформировалась в предания. Эти предания составили сюжетно-тематический цикл о заселении и освоении края. Данный цикл составляет основу репертуара преданий у русских старожилов Байкальского региона.

Традиция бытования устных преданий держится на интересе к прошлому, зачастую способному пролить свет на настоящее. Функция, изначально присущая жанру предания, заключается в «концентрации исторического опыта», исторических знаний и трансляции этих знаний во

---

¹ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. – Иркутск: Иркутское областное государственное изд-во, 1949, с. 3-4.

времени. В продолжение этой функции тексты исторического содержания осуществляют, как это очень удачно сформулировал немецкий ученый Ян Ассман, «коммуникативное и культурное воскрешение прошлого»¹. А интерес к прошлому, как известно, не появляется ниоткуда, он является продуктом человеческой культуры. Отсюда закономерно встают вопросы, рассматриваемые в диссертационном исследовании: насколько глубоко простирается интерес к своему прошлому у русских, проживающих в иноэтническом окружении; каким образом этот интерес вербализуется; какие основные исторические события получили отражение в фольклорной традиции русских старожилов Байкальского региона.

Степень разработанности проблемы. Как самостоятельный жанр фольклора предания становятся объектом специального рассмотрения и изучения только с усилением внимания фольклористов к сказочной прозе в целом, к проблеме разграничения жанров и выявления их жанровой специфики. В развитие теории сказочной прозы существенный вклад внесли появившиеся в 1960-70-ые годы работы В.Я. Проппа, С.Н. Азбелева, В.П. Аникина, В.Е. Гусева, К.В. Чистова, Э.В. Померанцевой, В.К. Соколовой. Выделение из всего повествовательного фольклора такого видового понятия, как сказочная проза послужило толчком к постановке и исследованию вопросов жанрового состава сказочной прозы, к изучению ее отдельных жанров.

Основной базой, на которой развивались теоретические изыскания по народной исторической прозе, в силу присущей этой прозе специфики, явился региональный/локальный материал. Сегодня проблема регионального/локального в фольклоре стоит не так остро, как это было еще в конце XX века, когда термины "региональный" и "локальный" часто отождествлялись. И тем не менее, вопрос о региональной/локальной природе фольклора до сих пор находится в «одном из центров» внимания фольклористики: слишком уж важно для понимания жизни фольклора постижение его региональной/локальной специфичности. В диссертационном исследовании локальность понимается не только как единственная форма существования фольклора, но и как единственное средство конкретного выражения общерусского/универсального. Проблема региональности/локальности фольклора рассматривается в реферируемой работе еще и в связи с тем, что «изучение прагматики фольклора максимально плодотворно именно на уровне локальной традиции»².

В Восточной Сибири сбором, публикацией и исследованием регионального/локального фольклора, и в частности преданий, занимался известный сибирский фольклорист Л.Е. Элиасов. До сих пор его монография «Русский фольклор Восточной Сибири. Часть II. Народные

---

¹ Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004, с. 49.

² Христофорова О.Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. – М., 2010, с. 6.

предания», изданная в 1960 году, является наиболее полным исследованием возникновения и бытования в восточносибирском регионе преданий различных жанровых разновидностей и тематических групп. Значителен вклад исследователя в дело систематизации сибирских преданий. Заслужено Л.Е. Элиасова является то, что он еще до появления теоретических работ по сказочной прозе, до выработки критериев разграничения повествовательных жанров фольклора предпринял попытку определить функциональное назначение (прагматику) и жанровую специфику преданий. Характерными чертами преданий Л.Е. Элиасов называет обращенность в прошлое; установку на достоверность («отражают достоверные в основе своей исторические явления»); неустойчивость художественной формы; контаминацию нескольких сюжетов наряду с тем, что каждый из них бытует отдельно; малую форму («по форме – небольшие рассказы»); и, наконец, познавательную функцию¹. Эти положения, несомненно, способствовали дальнейшему постижению жанровой специфики преданий.

Через десятилетие, в 1970 году, выходит в свет монография В.К. Соколовой «Русские исторические предания». Эта работа имела исключительное значение в постановке и решении проблем, связанных прежде всего с систематизацией и классификацией русской народной исторической прозы. Наряду с выявлением структурного состава, жанровой разновидности исторических преданий В.К. Соколова подробнейшим образом останавливается на выявлении их жанровой специфики, на установлении границ и соотношений преданий с другими формами устной сказочной прозы.

В 1980-ые годы Н.А. Криничной в монографии «Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры»² предпринято структурно-генетическое исследование преданий. В работе выявляются и рассматриваются основные циклы русской народной исторической прозы, но уже не только на материале одного региона (Русский Север), а с привлечением большого фольклорно-этнографического материала из других регионов и этнокультурных традиций. Н.А. Криничная выделяет девять циклов русской народной исторической прозы, причем цикл «предания об исторических лицах» включает в себя традиционно выделяемые в отдельные циклы предания об Иване Грозном, Петре I, Ермаке, Степане Разине, Емельяне Пугачеве. Сказалось представление о цикле не только как о сюжетно-тематической группе, но и как о совокупности традиционных мотивов, структурирующих фольклорный образ. Все предания об исторических лицах состоят, по мнению Н.А. Криничной, преимущественно из одних и тех же мотивов, несмотря на разницу в социальной характеристике персонажей³.

---

¹ Элиасов Л.Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. II. Народные предания. – Улан-Удэ, 1960, с. 18-20.

² Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры / Отв. ред. В.К. Соколова. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – 227 с.

³ Криничная Н.А. Русская народная историческая проза..., с. 26.

Таким образом, тематический принцип в систематизации преданий не мог быть признан основополагающим. Требовалась выработка иных (наряду с тематическим) классификационных принципов, учитывающих не только тематику произведений, но и их жанровую специфику. Перед исследователями встала задача морфологического изучения преданий. Были предприняты поиски структурных единиц, возможных и достаточных для раскрытия особенностей предания в его текстовой форме (зафиксированной на письме). Индуктивный способ изучения показал, что такими единицами являются сюжет и мотив¹.

В работах современных ученых мотив предстает как интертекстуальная семантическая единица, основным показателем которой является ее репродуктивность. То есть, мотив – это, прежде всего, функционально-семантический повтор². Имманентным свойством фольклорного мотива является вариативность, которая предполагает существование некоего инварианта (хотя бы умозрительного), «некоей условной реконструкции, основанной на схематизации множества попавших в поле зрения ученых единичных исполнений»³. Для мотива таким инвариантом является мотивема, реализуемая в своих алломотивах.

Ценным для реферируемого исследования является положение С.Ю. Неклюдова о том, что «мотив – это реальная данность фольклорного произведения, именно та единица, которой оперирует устная традиция», «<...> мотив является элементом художественного мышления в фольклоре»⁴. «Мотивное мышление» (выражение С.Ю. Неклюдова) свойственно и носителям преданий.

О том, что мотив может быть рассмотрен не только с позиций семантики и синтактики, но и прагматики, указывает в своих работах И.В. Силантьев: «Как знаковый элемент повествовательного языка мотив может быть рассмотрен в аспектах его семантики, синтактики и прагматики»⁵. И.В. Силантьев указывает на то, что реализацией мотива в повествовании является *событие*, которое представляет собой слияние двух начал – фабульного действия и персонажа. «В повествовании мотив облекается в плоть фабульного действия и сопрягается с системой персонажей, что и выражается в формировании *события* как такового», – пишет исследователь⁶. Как таковой, мотив, по Силантьеву, «находится *вне состава*

---

¹ Кругляшова В.П. Историческое развитие народных преданий на горнозаводском Урале. Автореф. ... доктора филол. наук. – М., 1974, с. 9-10.

² Тюпа В.И., Ромодановская Е.К. Словарь мотивов как научная проблема (вместо предисловия) // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы: от сюжета к мотиву» / Под ред. В.И.Тюпы. – Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 1996, с. 6.

³ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994, с. 85.

⁴ Неклюдов С.Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов / Под ред. Б.Н. Путилова. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984, с. 224.

⁵ Силантьев И.В. Сюжетологические исследования. – М.: Языки славянской культуры, 2009, с. 15.

⁶ Силантьев И.В. Сюжетологические исследования..., с. 21.

определенных повествований и тем более текстов»¹. И только обретая "плоть и кровь", став *событием*, мотив включается в структуру нарратива. В реферируемой работе берется на вооружение данная установка, тем более что она соотносится с понятиями мотивемы и алломотивов.

В связи с этим, становится понятной степень важности изучения *реализованных* мотивов, составляющих сюжетный уровень преданий о заселении и освоении русскими Байкальского региона. Тем более что мотив соотносится с сюжетом «в плане прагматики события, т.е. в плане того конкретного смысла и интенции, которые событие (Реализованный мотив. – Е.Т.) обретает в сюжете»². Таким образом, исходя из современных разработок понятия «мотив», исследование мотивов в диссертационной работе осуществляется в аспекте их семантики (описание предиката мотива, его актантов, пространственно-временных характеристик) и прагматики (описание иллокутивных характеристик мотива, способов его реализации в сюжете).

Актуальность темы исследования заключается в том, что прагматика, социокультурные функции народных исторических рассказов в контексте локальных фольклорных традиций русского населения Бурятии не были еще предметом изучения в современной отечественной фольклористике. К тому же исторические предания и устные рассказы, являющиеся жанрами несказочной прозы, несут на себе весь груз проблем изучения этого вида фольклора. Несмотря на то, что жанры несказочной прозы исследуются учеными-фольклористами систематически и системно, до сих пор в фольклористике отсутствует четкость в систематизации, классификации несказочной прозы, нет единых критериев жанровой дифференциации в рамках повествований несказочного характера. Проницаемость границ фольклористической терминологической системы влечет за собой терминологическую путаницу. Поскольку «термины, как и фольклорные тексты, шлифуются в научном поле фольклористики»³, создается необходимость дальнейшего теоретического осмысления проблемы жанров несказочной прозы, их терминологии. Актуальным также представляется изучение фольклорной исторической прозы русских старожилов Байкальского региона с точки зрения семантики, сюжетно-мотивно-образного состава, что позволяет выявить её, исторической прозы, региональную и локальную специфику. Требуется своего уточнения и сюжетно-мотивный фонд цикла преданий о заселении и освоении русскими территории вокруг Байкала, так как этот цикл преданий (если не учитывать работы автора диссертации) исследовался лишь в 1960-ые годы. Функционально-прагматическое же назначение исторической прозы,

---

¹ Силантьев И.В. Сюжетологические исследования..., с. 20.

² Силантьев И.В. Сюжетологические исследования..., с. 21.

³ Гардер М.О. Термин "быличка" как "инструмент" фольклориста // Рябининские чтения-2015: Мат-лы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск, 2015, с. 267.

иллокутивные характеристики мотивов, выбор исполнителями тех или иных языковых средств для воплощения замысла в жизнь вообще не становились предметом научного интереса, что также свидетельствует об актуальности предпринятого диссертационного исследования. Как показывают полевые исследования, в Бурятии бытование русского фольклора в целом и преданий и устных рассказов в частности имеет региональную специфику, обусловленную миграционными процессами и иноэтническим окружением. В связи с этим актуальной остается проблема регионального функционирования русских преданий и устных рассказов о календарных праздниках на востоке России, в отрыве от метрополии. Поэтому особое значение приобретает исследование фольклора русских в иноэтнической среде, в частности, иноэтнических сюжетов и мотивов в локальных репертуарах преданий русских старожилов Бурятии. Устные же рассказы-воспоминания русских старожилов Бурятии о календарных праздниках вообще еще не становились объектом специального научного рассмотрения.

Указанными методологическими, историографическими и региональными проблемами в области изучения фольклорной исторической прозы и обусловлена **цель** настоящей работы. Она заключается в установлении процессов эволюции традиции бытования русской фольклорной исторической прозы Байкальского региона и описании ее современного состояния в системном единстве жанрового, семантического и функционально-прагматического компонентов.

Для достижения цели исследования в работе ставятся следующие **задачи**:

- 1) структурно-семантический анализ исторических преданий как формы исторической памяти этноса;
- 2) анализ прагматических основ и ситуативных факторов порождения текстов (фольклорного дискурса) преданий и устных рассказов-воспоминаний о народном календаре;
- 3) выявление сюжетообразующих компонентов жанровой системы исторических преданий и устных рассказов о календарных праздниках;
- 4) установление сюжетно-мотивного состава преданий о заселении и освоении края, выявление его специфики;
- 5) выявление соотношения мифологем и реалий в народной исторической прозе;
- 6) рассмотрение топонимической системы в исторических преданиях русских старожилов Бурятии;
- 7) выявление этноконфессиональных ценностных ориентаций в современной исторической прозе старообрядцев Бурятии;
- 8) реконструкция семантики и структуры, прагматический анализ календарно-обрядового фольклора русских старожилов Бурятии как образца культурной памяти этноса, оторванного от метрополии (на примере устных рассказов о праздновании Рождества, Святков и Масленицы);

9) составление указателя сюжетов/мотивов о заселении и освоении русскими Байкальского региона.

По результатам проведенного исследования на защиту выносятся следующие **положения**:

1. Народные предания являются исторической памятью этноса. На современном этапе бытования они осмысливаются исполнителями как достоверные рассказы, повествующие о том, что было на самом деле.

2. Предание, к какой бы жанровой разновидности оно ни относилось (историческое, топонимическое, этимологическое, генеалогическое), всегда своим исходным содержанием имеет историческую действительность, отображает то, что было или могло быть на самом деле. Главные герои преданий всегда осмысливаются как реально существовавшие. Это главный принцип при изображении действующих лиц в повествовательной системе преданий.

3. Прагматика преданий и устных рассказов в большой степени определяет такую их специфическую черту, как установка на достоверность сообщаемого. Принцип достоверности и достоверность исторического факта в преданиях – понятия не тождественные. Рассказчик может исказить исторические факты, но при этом повествование будет обладать высокой степенью достоверности.

4. Семантика и прагматика фольклорного текста определяются фольклорной традицией, той средой, в которой функционирует текст.

5. Фольклорный дискурс ситуативно обусловлен, иллокутивно маркирован, коммуникативно ориентирован и вследствие этого абсолютно прагматичен.

6. Русские предания о заселении и освоении Байкальского региона отражают и в рамках всего цикла осмысливают исторический процесс присоединения сибирского региона к Российскому государству. Рассказы русских старожилов об основании сел и деревень, о первопоселенцах обладают достаточной полнотой известных фольклорной традиции сюжетов и мотивов, наличием архаичных форм преданий.

7. Предания, несмотря на то, что они реалистично отражают действительность, являются продуктом фольклорного сознания и часто содержат в своей структуре мифологические мотивы и образы.

8. Бытующие в забайкальском локальном репертуаре среди русского населения предания о баргутах стоят в одном типологическом ряду с преданиями об аборигенах края других региональных и этнических традиций. Систему образа баргутов составляют мотивы, являющиеся по преимуществу мифологическими.

9. Топонимические предания, входящие в цикл преданий о заселении и освоении края, служат источником изучения языковой картины мира жителей той или иной местности. Топонимы в фольклоре – это не только именованья, выделяющие объекты из себе подобных, топонимия той или

иной территории является определенным языковым знаком, за которым стоит среда обитания, история и культура создавшего топоним народа.

10. В иноэтническом окружении в репертуар преданий русских старожилов Бурятии включаются бурятские мифологические предания. Однако если и имеет место процесс адаптации бурятских преданий к русской локальной традиции, то только на уровне стиля, языковых поэтических средств, не затрагивая сюжетно-тематических глубин и персонажно-образной системы заимствованных преданий.

11. Фольклор является одной из форм отражения культурных концептов, ценностных ориентаций русского народа. Сегодня возрождение этноконфессиональной идентичности способствует возрождению традиционных ценностных ориентаций старообрядцев Бурятии (семейских), что отражается в том числе и в их фольклоре на уровне семантики и прагматики текстов.

12. Ритуалы календарных праздников в высшей степени прагматичны. Однако исконный сакральный смысл большинства обрядовых действий либо забыт (но может быть активирован вопросами собирателя), либо утрачен безвозвратно для носителей традиции.

Объектом исследования является репрезентативный корпус текстов русских исторических преданий и устных рассказов о календарных праздниках, записанных в Байкальском регионе.

Предмет исследования – жанровые семантика и прагматика исторических преданий и устных рассказов о народном календаре (на примере устных рассказов о праздновании Рождества, Святки и Масленицы).

Теоретико-методологическая база исследования. Отправной точкой при определении методологической базы исследования послужила научная традиция исследовать эстетическую природу фольклора в его принципиальном отличии от литературы Нового времени. Не являясь результатом исключительно вербального творчества, фольклорный текст, особенно из области несказочной прозы, отчетливо проявляет свою обусловленность факторами внехудожественными: многообразными связями с явлениями этнографии, историей и направлением миграционных потоков, результатом которых и стало освоение русскими той или иной местности, ситуацией и целями исполнения текста. Поэтому методология настоящего исследования как свое необходимое условие предполагает применение комплекса исследовательских методов, от структурно-семиотических до историко-этнографических, но довлеющей для методологии реферируемого исследования все же остается функциональная теория, отчетливо сформулированная Б. Малиновским на материале архаического мифа и развиваемая рядом отечественных фольклористов на материале собственно фольклора (В.П. Аникин, Е.Е. Левкиевская). Как следствие, в фокусе внимания автора диссертации оказывается

функционально-прагматический механизм порождения и дальнейшей жизни фольклорного текста в его семантической и прагматической конкретике.

В работе признается, что русская фольклорная традиция Сибири не является вариантом некой абстрактной «общерусской» традиции. В региональном аспекте фольклорная традиция Сибири монолитна лишь в том смысле, что ее формы во многом обусловлены фактом относительно позднего времени освоения русскими Сибири. В содержательном же аспекте русская фольклорная традиция Сибири демонстрирует совмещение в одних и тех же регионах, а то и в пределах одного села, различных локальных традиций, принесенных различными группами русских из разных мест своего миграционного исхода в разное время. Важно также, что эти места находились не только в европейской части России, но, позднее, уже и в самой Сибири. Как следствие, феномен региональности/локальности русской фольклорной традиции Сибири возникает в результате либо забвения элементов традиций мест миграционного исхода, либо их сохранности, либо модификации под влиянием новых социально-демографических условий, в том числе иноэтнического окружения и особенностей хозяйственно-бытовых контактов русских с автохтонным населением Сибири – бурятами. Изучение модификаций традиции, обусловленных фактором перенесенности традиции в новые места и межнациональными контактами, становится тем самым одной из магистральных исследовательских тем.

Изучение же традиции, в том числе и ее модификаций, невозможно без желательной постоянной фиксации фольклорного и этнографического материала. Исходя из этого, автор диссертационной работы как на методологическую и содержательную базу исследования опирается на монографию В.Л. Кляуса «"Русское Трехречье" Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры»¹. Устанавливая тот факт, что в момент фиксации фольклорного материала нет и не может быть незначущих слов, жестов, мимики, В.Л. Кляус прибегает к методу включенного наблюдения, который предполагает: постоянную аудио- и видео-фиксацию спровоцированных и не спровоцированных собирателем высказываний информанта; повторные записи от одного информанта с разными временными промежутками, от нескольких минут до нескольких лет; сплошную перекрестную проверку репертуара в масштабах села, куста сел или большего по масштабу локуса; постоянную фиксацию реакций слушателей на слова информанта. Для реферируемой работы важно, что метод включенного наблюдения предполагает выход на прагматический аспект исследования фольклорной прозы.

При описании результатов исследований особенное значение в научном тексте имеет язык этого описания. Имея объектом исследования

---

¹ Кляус В.Л. "Русское Трехречье" Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 384 с.

относительно новый для отечественной фольклористики материал, естественным образом необходимо воспользоваться сугубо традиционными терминами. Одним из таковых, как уже было сказано, является термин «мотив». Однако исторические предания и устные рассказы о календарных праздниках бывают слишком близки к текучей изменчивой действительности, что препятствует оформлению единообразия и на уровне мотивов. Поэтому традиционность, устойчивая повторяемость мотивов актуальной применительно к исследуемому материалу оказывается не всегда. Чтобы приблизиться к глубинной парадигматической семантике текстов, автор диссертации понимает мотив и как манифестацию, чаще имплицитную, архаических семантических комплексов. Поэтому в своем диссертационном исследовании автор опирается на общие теоретико-методологические положения, изложенные Б.Н. Путиловым в монографии «Фольклор и народная культура», К.В. Чистовым в монографии «Народные традиции и фольклор»; исследования по теории жанра преданий (работы Л.Е. Элиасова, В.К. Соколовой, В.П. Кругляшовой, Н.А. Криничной) и устных рассказов (работы И.З. Ярневского, М.Р. Базилишиной). В своем исследовании автор не может обойтись без теоретического обоснования выделения мотива в фольклорном произведении (работы А.М. Веселовского, В.Я. Проппа, Б.Н. Путилова, С.Ю. Неклюдова, Н.А. Криничной, И.В. Силантьева); без теоретических положений о мифологических корнях повествовательного фольклора, изложенных в работах М.Е. Мелетинского. Спецификой русского фольклора за Байкалом является 1) его *миграционный характер*, что обязывает автора обращаться к историко-этнографическим исследованиям, посвященным процессу колонизации сибирского региона и становлению сельской общины – основного носителя традиционной фольклорной культуры (работы М.М. Громько, Н.А. Миненко), а также 2) его *иноэтническое окружение*, вследствие чего методологической базой диссертационного исследования служат теоретические работы ученых в области бурятской мифологии, традиционных жанров бурятского фольклора (работы Д.С. Дугарова, М.И. Тулохонова, С.С. Бардахановой и др.).

Основные методы исследования. Методы исследования традиционно делятся на методы полевой работы (обнаружение и фиксация фольклорного материала) и методы анализа фольклорных текстов. Методы полевой работы – включенное наблюдение и неформализованная беседа-интервью, способы фиксации – аудиозаписи, фотофиксация, рукописные записи. Методы научного анализа – прагматический анализ, направленный на изучение бытования текста с историческим/условно-историческим содержанием в условиях коммуникативной заданности, механизмов его порождения; с целью выяснения сюжетно-мотивно-образного фонда тематического цикла преданий о заселении и освоении края используется сравнительно-типологический метод; исследование семантики преданий и устных рассказов о праздновании календарных праздников (Рождества,

Святок и Масленицы) происходит при помощи структурно-семантического и герменевтического методов; при попытках декодировать информацию, содержащуюся в глубинном семантическом слое мотива, частично используется семиотический метод.

Источниками исследования послужили опубликованные сборники текстов преданий; материалы сибирских летописей; архивные материалы фольклорных записей Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН), введенные в научный оборот автором, а также полевые записи самого автора. Все привлеченные к анализу тексты преданий записаны, в основном, в различных районах Республики Бурятия – Баргузинском, Тункинском, Прибайкальском, Кабанском, Тарбагатайском, Мухоршибирском, Бичурском, Кижингинском, Селенгинском (в чем реализуется региональный принцип в исследовании фольклора), с привлечением материалов Русского Севера и иноэтнической фольклорной традиции для уяснения некоторых типологических вопросов. Также для анализа привлекаются тексты, записанные в Иркутской области и Забайкальском крае (ранее – Читинская область).

Научная новизна исследования определяется прежде всего тем, что в нем впервые подробно описаны семантико-прагматические параметры и социально-культурные функции исторических преданий о заселении русскими территории современной Бурятии; выявлены механизмы, обеспечивающие сохранность этих текстов. Наиболее полно устанавливается сюжетно-мотивно-образный фонд тематического цикла преданий о заселении и освоении края русскими поселенцами, реконструируется прагматика и семантика образа первопоселенца. Отдельно рассматриваются категории пространства и времени как компоненты модели мира, в котором живут персонажи преданий. Выстраивается корреляционная система мотивов как в пределах одного текста предания, так и в пределах всего цикла. Впервые на региональном материале выявляется сюжетно-мотивный состав преданий об исчезнувших с конкретной территории народах-предшественниках – баргутах, монголах, татарах, китайцах. Решается вопрос о соотношении мифологем и реалий в повествовательной системе преданий. В работе впервые на фольклорном материале выявляется и исследуется мировоззренческий комплекс старообрядцев Бурятии (семейских). На основе систематизации и анализа фольклорного материала с точки зрения его семантики и прагматики впервые производится реконструкция календарных праздников русских старожилов Бурятии. В научный оборот вводится новый фольклорный материал.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Основные положения и выводы диссертации могут быть полезны в процессе дальнейшего исследования жанровой системы народной исторической прозы; работа углубляет научное представление о жанровой специфике

преданий, о системе категорий и принципов, определяющих эту специфику. В исследовании раскрывается роль жанра преданий в развитии фольклорной системы в целом; делается попытка декодировать информацию, содержащуюся в глубинном семантическом слое мотива как исторического предания, так и устного рассказа; уточняется и углубляется само понятие мотива в народной исторической прозе; утверждается жанрообразующая роль мифологем для некоторых тематических групп преданий, традиционно считающихся собственно историческими, т.е. наиболее реалистично изображающими действительность. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке к публикации тома несказочной прозы серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», при разработке учебных курсов по фольклору на филологических факультетах высших учебных заведений, при разработке спецкурсов как по несказочной прозе в целом, так и отдельно по жанру преданий. Работа может быть принята во внимание при составлении программ методического характера по сборанию и исследованию регионального русского фольклора на стыке культур «Восток-Запад».

Апробация результатов. Диссертационная работа обсуждена на расширенном заседании отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН от 12.06.2017 года и рекомендована к защите в диссертационном совете по специальности 10.01.09 – фольклористика.

Основные теоретические положения диссертации и результаты исследования нашли отражение в более чем 70-ти опубликованных работах автора, в том числе в монографии «Русские предания Восточной Сибири о заселении и освоении края» (2006 г., 12,8 п.л.) и в 2-х коллективных монографиях: «Традиционный фольклор старообрядцев Бурятии (семейских) в современном бытовании (на материале полевых исследований конца XX – начала XXI вв.)» (в соавт. с Матвеевой Р.П., Матвеевой Т.И., Мироновой Н.А., Кушнаревой Л.Л.) (2008 г., 25,6 п.л.); «Локальные варианты фольклорной традиции русских старожилов Бурятии» (в соавт. с Игумновым А.Г., Матвеевой Р.П., Шевелевой Л.А.) (2016 г., 16,5 п.л.), а также в 16 научных статьях, опубликованных в журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК, и в журналах, зарегистрированных в системе РИНЦ. Также результаты исследования были представлены в виде очных/заочных докладов на зарубежных (КНР 2013, 2015 гг.; Республика Беларусь 2011, 2013 гг.), международных («Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона», г. Улан-Удэ, 1999 г.; «Время и календарь в традиционной культуре», г. Санкт-Петербург, 1999 г.; «Мир Центральной Азии-1, 2, 3, 4», г. Улан-Удэ, 2002, 2007, 2012, 2017 гг.; «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи», г. Улан-Удэ, 2007, 2015 гг.; «История и культура народов Центральной Азии: наследие и современность», г. Улан-Удэ, 2008

г.; «Старообрядчество: история, культура, современность», г. Москва, 2007, 2009, 2011, 2013, 2018 гг.; «Русские в иноэтничном окружении. Русский фольклор в странах Балтии», г. Псков, 2014 г.; «Рябининские чтения-2015», г. Петрозаводск, 2015 г.; «Улан-Удэ – 350 лет: история, пространство, общество». г. Улан-Удэ, 2016 г. и др.), всероссийских и региональных научных конференциях, в том числе на Первом (2006 г.), Втором (2010 г.), Третьем (2014 г.) и Четвертом (2018 г.) Всероссийских конгрессах фольклористов в г. Москва и Тула и на I Сибирском форуме фольклористов (г. Новосибирск, 2016 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников (298 наименований), а также приложений, содержащих тексты преданий о заселении и освоении края и устных рассказов о праздновании русскими старожилами Бурятии календарных праздников (Рождества, Святков и Масленицы); указатель сюжетов/мотивов преданий русского населения Байкальского региона о заселении и освоении края; указатели мест записи преданий, имен исполнителей, имен собирателей, персонажей (имен собственных и прозвищ) преданий о заселении и освоении края, географических названий, встречающихся в цикле преданий о заселении и освоении края. Общий объем работы – 541 страница машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение. Во введении содержатся краткие сведения по истории заселения и освоения Сибирского региона; обосновывается актуальность темы диссертации; формулируются цели и задачи, определяются объект и предмет исследования; представляются основные положения, выносимые на защиту; характеризуются методологические принципы, степень научной новизны, теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования; представляются сведения об апробации результатов работы.

В первой главе «**Коммуникативно-прагматические условия жанровой дифференциации в фольклорном дискурсе**» устанавливается понятие фольклорного дискурса, в процессе которого происходит жанровая дифференциация фольклорной прозы. Автор диссертации опирается на известное высказывание Н.Д. Арутюновой, ставшее практически афоризмом, о том, что «дискурс – это речь, погружённая в жизнь». Поэтому термин «"дискурс"», в отличие от термина "текст", не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно»¹. Последнее замечание очень важно для реферируемой работы, так как указывает на связь дискурса, в том числе и фольклорного, с «живой жизнью», то есть на его прагматическую составляющую. А

---

¹ Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990, с. 136-137.

поскольку понятие «дискурс», как пишет О.Б. Христофорова, «включает и лингвистические, и паралингвистические факторы, причем не только параметры коммуникативной ситуации, но и характеристики социально-культурной среды, в которой протекает коммуникация (мифологию, идеологию, правовые институты, социальную структуру, этикет, интерьер жилища, пищевые традиции и другие "кластеры" культуры, рассматриваемые как семиотические объекты или системы)»¹, следовательно, дискурс в фольклоре – это не только фольклорный текст, но и все те «"кластеры" культуры», которые его сопровождают. Вследствие этого в работе делается вывод о том, что коммуникативно-прагматические условия жанровой дифференциации в фольклорном дискурсе определяются следующими факторами: ситуацией воспроизведения текста (субъекты речи с их социальными ролями, место, время), иллюкутивно-мотивационными факторами (намерения и цели, которые преследуются при исполнении текста), коммуникативной ориентированностью исполнителя на слушателя и слушателя на исполнителя (так называемые психологические установки).

В силу существующих в изучении народной прозы проблем в первом разделе **«Повествовательные жанры фольклорной прозы: систематика и прагматика»** рассматривается система повествовательных жанров русского фольклора. Повествовательный фольклор традиционно (но не всегда безапелляционно) делится на два вида – сказки и несказочная проза. Признак, по которому эти два вида народной прозы объединяются в одну систему, очевиден – их повествовательное начало (ср. система стихотворного фольклора, система малых жанров фольклора). Б.Н. Путилов, наряду с этим признаком, который он называет «установкой на рассказывание», выделяет еще один признак, относящийся к прагматике фольклорной прозы и объединяющий различные ее жанры в систему, – это «невключенность в обрядовую жизнь»². Эта «невключенность» определяется прагматическим назначением фольклорной прозы: рассказывание сказок или произведений несказочной прозы у русских не связано напрямую с исполнением какого-либо обряда или ритуального действия, в отличие от обрядовой фольклорной прозы – заговоров, обрядовых присловий, магических формул, которые являются вербальной частью обряда и вне обряда практически не исполняются. Однако и «необрядовая проза», несмотря на «свободу» бытования, обладает определенными закономерностями функционирования. «Рассказывание вне обряда, – пишет Б.Н. Путилов, – это специфический, организованный целой системой правил, этикета, запретов культурный феномен»³. Действительно, сказки и произведения несказочной прозы представляют собой «культурный феномен», споры о жанровых границах которых (особенно это касается

¹ Христофорова О.Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. – М., 2010, с. 5.

² Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994, с. 161.

³ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура..., с. 161.

несказочной прозы) не прекращаются по сей день. Однако бесспорными являются отмеченные признаки, объединяющие сказки и несказочную прозу в одну систему, – это повествовательное начало («установка на рассказывание») и «невключенность в обрядовую жизнь».

Далее рассматривается оппозиция «сказка – несказочная проза», определяется прагматическая ситуация, обуславливающая видовые признаки каждой из сторон оппозиции (прежде всего вера/неверие в рассказываемое, доминирующая эстетическая функция сказки и «внеэстетическая», прагматическая функция несказочной прозы). Также в данном разделе рассматривается современная модель системы повествовательных жанров, основывающаяся на двух оппозициях – «фактическое/вымышленное» и «сакральное/профанное»¹. Группируясь по этим признакам, сказочная и несказочная проза образуют каждая свою жанровую систему. Сказочная проза характеризуется признаками «вымышленное + профанное» (насчет «профанного» с большими оговорками). Сочетание же признаков «фактическое + сакральное» характеризует произведения несказочной прозы, жанровую систему которой составляют предания, легенды, былички, устные рассказы (сказы). Рассматривая жанры несказочной прозы с точки зрения наличия в них признаков «фактическое + сакральное», автор приходит к выводу, что с позиции прагматики текста признак «фактическое» (или установка на достоверность) является основным жанрообразующим признаком для всех произведений несказочной прозы. Однако если основой прагматики легенд и быличек являются достоверность и сакральность с доминированием последней, то прагматика преданий и устных рассказов в сочетании признаков «фактическое + сакральное» доминантой определяет признак «фактическое», т.е. установку на достоверность сообщаемого.

Во втором разделе **«Проблемы межжанровых взаимоотношений в несказочной прозе»** теоретически обосновываются и обобщаются признаки, по которым дифференцируются различные жанры несказочной прозы. Помимо общих свойств, каждый из жанров несказочной прозы обладает и специфическими признаками, выполняющими жанрово-дифференцирующую роль. Однако выделение этих признаков на определенном этапе фольклористических изысканий вызвало некоторые трудности, повлекшие за собой терминологическую путаницу.

Между тем, подобная терминологическая неустойчивость в науке лишь отражает состояние дел в фольклорной традиции: в живом бытовании произведения несказочной прозы чаще всего жанрово не маркированы. Предание, легенда, быличка, устный рассказ в народном сознании не дифференцируются. Они выступают в фольклорной традиции «единым фронтом». Автор диссертации объясняет это наличием в жанрах

---

¹ Разумова И.А. Сказка и быличка (Мифологический персонаж в системе жанра) / Научн. ред. Б.Н. Путилов. – Петрозаводск, 1993, с.3.

несказочной прозы такого мощного прагматического начала, как установка на достоверность сообщаемого, которая и позволяет исполнителям осознавать жанроворазнородные тексты как единую группу рассказов о действительно происходивших/происходящих событиях. К тому же произведения несказочной прозы, как правило, не имеют яркой отграниченности от обыденной речевой деятельности, что также способствует отсутствию терминологии, «неназыванию» жанров несказочной прозы в фольклорной традиции.

Таким образом, прагматика жанров несказочной прозы в большой степени определяет такую их специфическую черту, как установка на достоверность сообщаемого, которая, являясь общим жанрообразующим признаком для всех произведений несказочной прозы, как бы сводит до минимума прочие жанровые, функциональные, стилистические и другие различия данных текстов в их живом бытовании (но, естественно, не тогда, когда эти тексты становятся объектом научного исследования).

Наряду с включенностью в обыденную речевую деятельность, с отсутствием народной номинации рассматриваемых произведений, проблему межжанровых взаимоотношений в фольклорной прозе автор видит в наличии таких повествований, жанрово разграничить которые не так просто ввиду зыбкости границ между ними, то есть в наличии так называемых "переходных" форм. К ним автор относит легендарные, исторические сказки (рассмотрению одной из которых посвящен раздел в первой главе диссертации), сказки-бывальщины, переходные формы устных рассказов в предания и др. Подобный жанровый синкретизм составляет определенную трудность методического характера в исследовании повествовательного фольклора. Решение данной проблемы автор видит, во-первых, в признании наличия "переходных" форм в жанровой классификации и, во-вторых, в точном определении того аспекта действительности, который получил свое отражение в конкретном тексте. Ориентация того или иного конкретного произведения на свойственный именно ему аспект бытия служит одним из показателей его жанровой принадлежности¹. Б.Н. Путилов назвал это явление «жанровой специализацией»².

Из всего многообразия действительности быличку интересуют прежде всего взаимоотношения человека и природы, явления и объекты которой персонифицируются в образах "хозяев" стихий. Легенда основным предметом своего отображения имеет морально-этический облик человека, раскрываемый в поступках и действиях персонажа: в зависимости от того, как повел себя человек в той или иной ситуации (часто специально моделируемой Иисусом Христом или другими представителями Библейской истории), он бывает вознагражден/наказан, в чем и заключается

---

¹ Криничная Н.А. Русская народная историческая проза..., с. 10.

² Путилов Б.Н. Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. – М.: Наука, 1975, с. 164.

морализующий эффект легенды. Предание же интересуют, прежде всего, общественно значимые события, исторические факты. Социально-политическая жизнь коллектива – вот та сторона действительности, которая в первую очередь становится объектом изображения в предании. Таким образом, «жанровая специализация» того или иного произведения способствует определению его жанровой принадлежности и является, следовательно, жанрообразующим признаком.

В третьем разделе «**Жанровая система преданий**» рассматриваются предания как определенная жанровая система. Предания, не утратившие генетической связи с мифом, в которых эта связь присутствует эксплицитно, классифицируются как мифологические. В совокупности с так называемыми собственно преданиями (преданиями более позднего генезиса, в которых происходит усиление реалистических тенденций в отображении действительности и связь с мифологией имплицитна) они образуют определенную жанровую систему, обладающую единым функциональным назначением (информативно-мнемоническим), а также основными признаками, дифференцирующими предание с другими жанрами народной прозы: это прежде всего обращенность в отдаленное прошлое, установка на достоверность, прикрепленность к месту, к объекту. В реферируемой работе предание понимается как устный рассказ локального значения, с установкой на историческую достоверность, повествующий о событиях далекого прошлого и обладающий определенными композиционно-стилистическими особенностями, основными из которых являются отсутствие строго канонической формы и, как следствие этого, не очень явная выделенность из обыденной речевой деятельности. При этом, анализируя народную историческую прозу, автор, как правило, выделяет в ней мифологическую составляющую, что свидетельствует о такой функции преданий (наряду с информативно-мнемонической), как «мифологическое корректирование истории»¹.

В четвертом разделе «**Предания в системе традиционных жанров фольклора русских старожилов Байкальского региона**» рассматривается та "фольклорная среда", в которой функционируют предания. В системе жанров сибирского фольклора (основной фонд которого является принесенным из мест исхода) предание функционирует наряду с такими жанрами русского фольклора, как обрядовая поэзия, эпос, сказка, лирика, легенда, быличка, устный рассказ. Фактически все произведения этих жанров, как уже отмечалось, являются частью общерусского культурного наследия, в то же время неся на себе черты региональной специфичности. В работе в соотносительном аспекте рассматриваются *предания и эпические песни* (сюжетный состав исторических песен Забайкалья крайне скуден по сравнению с сюжетным составом исторических преданий); *предания и*

---

¹ Левинтон Г.А. Предания и мифы // Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: 1982. – Т. 2, с. 332.

сказочная традиция Сибири (сильная сказочная традиция Восточной Сибири породила связанное с ней искусство повествования, что способствовало широкому и активному бытованию другого повествовательного жанра – народных преданий); *предания и мифологические рассказы* (как и предания, мифологические рассказы напрямую связаны с регулированием жизнедеятельности коллектива, с проблемами его ориентации в новых, порой экстремальных, условиях бытия: предания регулируют жизнь коллектива на социально-историческом уровне, былички – на индивидуально-бытовом); *предания и локальный песенный репертуар* (наряду с традиционными русскими песнями, принесенными переселенцами из Европейской России, локальные песенные репертуары различных районов Восточной Сибири составили песни, генетически и тематически связанные с сибирским регионом, что и роднит их с преданиями); *предания и устный рассказ* (рассматривать предания и устные рассказы в жанровосопоставительном плане оказалось достаточно сложно, причиной чему автор видит различную степень значимости для архитектоники текстов такого атрибутивного для фольклора качества, как традиционность, или стереотипичность. В теории жанра преданий есть такое понятие, как канонизированный сюжет – набор традиционных мотивов (или *событий*, по И.В. Силантьеву), которые интересны и познавательны, но не актуальны для современных слушателей. Устный рассказ же является наиболее "импровизационным" жанром повествовательного фольклора, и эта "импровизационность" должна на чем-то базироваться: как выяснили исследователи, базируется она на актуальности и оперативности содержания текста¹. Если же актуальность и оперативность устного рассказа пошли на убыль (текст утратил эти качества по прошествии времени или по другим причинам), а информация, содержащаяся в тексте, все равно интересна и важна слушателям, то такой текст из рассказа-мемората неизбежно трансформируется в рассказ-фабулат, то есть в предание. Из всего массива устных рассказов такой трансформации подвергаются, как правило, тексты, обладающие важной этноисторической информацией).

Пятый раздел «**Проблема жанровой дифференциации в русской исторической прозе с точки зрения прагматики текста: сказка или "быль"? (на примере забайкальского варианта мотива неузнанности в рассказах о «справедливом» царе)**» посвящен исследованию текста, жанровая классификация которого вызывает определенные трудности, – это текст, записанный от Суранова Константина Ивановича² в 1956 году на территории Республики Бурятия (Западное Забайкалье) и содержащий мотив неузнанности царя Петра I. Герой повествования, солдат, не добившись справедливости у своих командиров, пошел искать защиты и

¹ Базилишина М.Р. Устный народный рассказ: функциональная природа жанра. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 1997, с. 4

² На момент записи Суранову К.И. было 60 лет.

справедливости у царя. По дороге, в тайге, солдат встречает заблудившегося на охоте Петра I, не узнает его, выпивает и закусывает с ним, устраивает царя на ночлег, спасает ему жизнь. Попадая к царю на аудиенцию, не сразу признает в нем царя (пока царь в «охотницкой» одежде). Момент узнавания наступает только тогда, когда царь *«снял охотницкую одёжу и одел царскую. Солдат давай козырять ему. Петр I говорит: "Вольно, вольно. Я был это". И произвел его в полны генералы. И дал ему такой приказ: "Вали в свою часть и како хошь, тако и давай наказанье им"»*. Прагматикой текста определяются следующие моменты: начало повествования выдержано в жанровых границах предания, т.к. 1) есть хронологическая приуроченность (*«При Петре I было»*); 2) исполнитель (мужчина) явно знаком с военной службой и рассказывает о событии как о реальном, а не вымышленном (сам исполнитель верит тому, о чем рассказывает, и слушатели тоже должны этому верить); 3) в тексте присутствуют бытовые детали, "удерживающие" повествование в реалистической плоскости (самая яркая из них – обещание вернуть долг 20-го числа (*«Все говорил, что двадцатого числа вернет»*): в советское время зарплату/аванс выдавали именно 20-го числа каждого месяца). И несмотря на то, что основная функция царя в рассказе – восстановить справедливость, наказав нечестных командиров и наградив умелого и сообразительного солдата, несмотря на весь демократизм царя Петра I (*«У Петра было чё выпить и закусить в сумке. Выпили, закусили.»*; Петр I предлагает солдату сесть вместе с ним на лошадь, а не идти пешком и т.д.) его образ в забайкальском варианте рассказа далеко не идеален и, как это бывает в жанре сказки, даже выступает антиподом образу простого солдата. В рассматриваемом тексте царь Петр I уступает простому солдату в силе, сноровке, сообразительности, и если бы не солдат, Петр I лишился бы жизни: его спящим зарезали бы разбойники. Царь физически слаб, не способен нести караульную службу, не способен почувствовать беду, стеснителен, скован в общении. Превосходство царя над подданными, явно наблюдаемое в сказочной прозе, в рассматриваемом тексте отсутствует, напротив, наблюдается обратная картина: превосходство солдата над царем, хотя солдат пока и не знает, что перед ним царь. Реализуется как личность, как «справедливый» правитель Петр I только в конце повествования, когда вершит справедливый суд. В рассказе присутствует мотив «царь замечает, оценивает способности подданного», который коррелирует с сюжетообразующим мотивом «царь вершит справедливый суд». Мотив неузнанности в забайкальском варианте текста на сюжет о «справедливом» царе позволяет более полно и развернуто проявиться способностям не царя (проявление выдающихся способностей царя во время неузнанности свойственно жанрам сказочной прозы), а солдата, как это свойственно жанру сказки.

В итоге, делается вывод о том, что с точки зрения жанровой принадлежности забайкальский текст представляет собой переходную форму от предания к сказке: он наделен некоторыми жанровыми

признаками предания (один из главных героев – историческая личность, отсутствие чудесного/фантастического в ткани повествования, наличие конкретно-бытовых деталей, хронологическая приуроченность), но в то же время образ «справедливого» царя Петра I в забайкальском тексте намного ближе к сказочному, чем даже к условно историческому, сам текст обладает законченностью сюжета, закрытой структурой, что идентифицирует его со сказкой. Более того, сюжет рассматриваемого текста соотносится со сказочным сюжетом «Царь и солдат в лесу» [СУС-952]. И все же нечеткие жанровые границы не позволяют безоговорочно отнести забайкальский текст ни к преданию, ни к сказке. В фольклорной традиции каждый текст воспринимается не сам по себе, а как текст, выполняющий то или иное прагматическое назначение. При этом восприятие слушателями семантики фольклорного текста обычно сопровождается оценкой адекватности его данной прагматической ситуации: на текст, главным героем которого оказывается историческая личность (Петр I), слушатели нацеливаются как на "быль". Да и исполнитель не нацелен на рассказывание "сказки". Однако забайкальский текст о «справедливом» царе не удерживается в прагматических границах "были" (предания), нарушает его, предания, жанровые границы и поэтому классифицируется как межжанровое образование.

В шестом разделе **«Принцип достоверности как коммуникативно-прагматическое условие жизнеспособности жанра преданий»** рассматривается один из основополагающих жанровых признаков преданий – установка на достоверность сообщаемого. Предметом рассмотрения в разделе стали художественные приемы, при помощи которых принцип достоверности реализуется в повествовательной системе народной исторической прозы. Известно, что ни один фольклорный жанр не отражает действительность во всем ее многообразии. Бытие как бы поделено на сферы влияния, за каждую из которых отвечает тот или иной жанр или группа жанров (излишне говорить о том, что границы этих сфер условны и легко проницаемы). Если быличка отображает действительность в семейно-бытовом аспекте, легенда – в морально-этическом, то предание – в социально-историческом. Предание интересует прежде всего исторический факт. А исторический факт в сознании людей всегда имеет установку на достоверность. Факты в процессе изустной передачи порой деформируются, смещаются, становятся с точки зрения научного знания ложными, но они остаются правдоподобными¹. Принцип достоверности как бы цементирует всю повествовательную систему преданий, является в ней основополагающим, а также является одним из условий жизнеспособности и традиционности преданий.

---

¹ Азбелев С.Н. Проблемы международной систематизации преданий и легенд // Русский фольклор. Т. X. Специфика фольклорных жанров. – М.-Л., 1966, с. 191.

Особое внимание в разделе уделяется персонажам преданий о заселении и освоении края: показывается, что это реальные, чаще всего действительно существовавшие люди. Для Байкальского региона характерны следующие группы преданий по выделяемым в них типам персонажей: это предания о первобытных людях (баргутах), о землепроходцах, о ссыльных и первopоселенцах. Учитывая историю края, такая картина вполне закономерна. Персонажи преданий социально детерминированы, раскрываются во взаимоотношениях с другими людьми, которые также изображаются в социальном аспекте. В действиях героев четко прослеживается причинно-следственная связь, они действуют сообразно обстоятельствам, в их действиях нет ничего необычного, сверхъестественного (за исключением преданий о баргутах и других исчезнувших с конкретной территории народов. В этом цикле преданий слишком сильна мифологическая составляющая).

В ходе исследования выявляется, что особое значение в повествовательной системе преданий имеет место действия. Оно указывается очень точно, и эта точность обусловлена тем большим значением, какое место действия имеет в преданиях, – оно часто служит доказательством истинности рассказа. Обычно местом действия в предании служит какой-либо населенный пункт или географический объект. Тексты байкальских преданий насыщены названиями местных деревень, рек, гор, озер и проч., поскольку один из основных жанрообразующих признаков предания – это прикрепленность к месту, к объекту. Причем локализация в предании, как отмечает В.К. Соколова, доведена до последней точки. Называются не только деревня, река и т.д., но и заимка, церковь, определенный дом. Максимальная локализация, являясь одним из основных жанровых признаков преданий, к тому же делает народный рассказ более достоверным.

Время действия в предании не имеет такого большого значения, как место действия. Предание – это всегда рассказ о прошлом, события которого давно закончились, они не продолжатся и не повторятся, поэтому датировка в преданиях не столь важна и ее отсутствие не снижает достоверности повествования. Точные датировки в преданиях встречаются крайне редко. В разделе делается вывод, что это также связано со спецификой жанра преданий: действие в предании всегда закончено и никогда не повторится ни в настоящем, ни в будущем. Поэтому в предании нет остроты момента, нет актуальности, что, возможно, и делает необязательной точную датировку событий. Однако это несколько не умаляет достоверности рассказа. К тому же на примере конкретных текстов устанавливается, что какие-то хронологические привязки в преданиях все равно существуют. Во-первых, время действия соотносится с каким-либо историческим лицом: *«А когда приезжал Михаил Иванович Калинин, Калинин здесь, и все к нему эти, значит, крестьяне обратились с просьбой <...>»* (зап. от Редрова Ф.П.); *«Рудник был открыт при Екатерине II <...>»*

(зап. от Туезова И.П.) и т.д. Во-вторых, время действия соотносится с каким-либо важным историческим событием: *«По начатию войны деревне дали название Сидорово»* (зап. от Давыдовой А.А.); *«Слепневская фамилия переселена сюда из Самары. Сосланы за религию, слышал, поди, про раскольников-то»* (зап. от Слепнева М.Ф.) и т.д. Тот факт, что событие местного значения, о котором повествует предание, происходило на фоне известных общенациональных исторических событий, также придает рассказу достоверность.

В ходе анализа структурно-композиционной организации преданий их основными чертами признаются краткость, одноплановость, отсутствие канонической формы, что позволяет преданиям особенно не выделяться из обыденной разговорной речи и обусловлено прагматикой текстов. Включенность предания в бытовую речь, которая сама по себе не предполагает вымысла, свидетельствует о достоверности передаваемой в предании информации. В то же время в преданиях присутствуют инициальные и финальные формулы, сигнализирующие о начале и конце фольклорного текста и организующие его структуру. В байкальских преданиях эти формулы встречаются почти в каждом тексте: *«В соборе святителя Иннокентия жил монах Нил»* (зап. от Софина М.Д.); *«Была фамилия Карелины, <...>»* (зап. от Хохлачева Г.Н.); *«Когда только заселялись сюда. Был такой Устинов, важный такой»* (зап. от Козлова И.С.) (инициальные формулы существования героя). Очень часто встречаются инициальные формулы хронологического (*«В давнее время, когда осваивалась река Индигирка, донские казаки, попавшие туда, строили остроги»* (зап. от Стрюкова Н.М.)) и топографического (*«Но вот деревня Колесово. Она когда сначала, там два-три домика было, это было поселение»* (зап. от Родьевой М.С.)) типов. В процессе анализа композиции сибирских преданий было выявлено, что финальные формулы чаще всего встречаются в топонимических преданиях (или в топонимических мотивах) и носят ономотологический характер: *«Теперь деревня носит название Хабарово»* (зап. от Ружникова А.Б.); *«Вот теперь до сих пор это место называют Устинова падь»* (зап. от Козлова И.С.) и т.д.

Образ повествователя в предании специфичен. Основная коммуникативная интенция рассказчика – максимально точно донести до слушателей информацию. Гарантом достоверности повествования служат старики, на авторитет которых обычно ссылается повествователь: *«В народе так говорили, говорили старики»* (зап. от Башкир Т.Я.); *«Это раньше было ешо того, старики говорели»* (зап. от Зверькова Л.Т.) и т.д.

Стиль сибирских преданий за редким исключением лаконичен, прост, без каких-либо специфических художественных приемов, т.к. основная функция преданий – информативно-мнемоническая, а не эстетическая. Наблюдаемая в последнее время переориентация функций преданий в пользу эстетической – процесс объективный, связанный с постепенной утратой преданием своего общественного значения.

Во второй главе «Семантический и прагматический аспекты фольклорной исторической прозы русских старожилов Байкальского региона» рассматриваются вопросы того, насколько глубоко простирается интерес к своему прошлому у русского населения, проживающего в иноэтническом окружении (регион Центральной Азии), и какие основные исторические события получили отражение в фольклорной традиции русского старожилого населения Байкальского региона.

В первом разделе «**Рассказы об исчезнувших с конкретной территории народах (баргутах)**» анализируются предания на сюжет об исчезнувших древних народах, населявших ту или иную территорию до прихода на нее русских поселенцев. В ходе диссертационного исследования устанавливается, что предания о баргутах бытуют в четко очерченном ареале – Баргузинской долине Республики Бурятия – и имеют под собой определенную конкретно-историческую основу: по свидетельству историков, в XII–XIII вв. земли вокруг Байкала (Предбайкалье и Забайкалье) населяли монголоязычные племена, наиболее крупными из которых были племена хори и баргут. Целью предпринятого анализа текстов было выявление основных мотивов, составляющих тот или иной уровень повествовательной системы преданий о баргутах, и, соответственно, выход на семантику и прагматику преданий об исчезнувшем древнем народе.

Анализ показал, что доминирующим мотивом в описании образа баргутов являются их огромные размеры. Баргуты – крупные, большие, здоровые, рослые: *«Здесь жили какие-то огромные люди – баргуты. <...> Они очень крупные были»* (зап. Башкир Т.Я.). С огромными размерами баргутов коррелирует мотив обнаружения их останков, как правило, это огромные кости: *«<...> нашли мы лытку от его, от этого, от баргута. Вот лытка, целу как у коней, как есть эти лытки. Вот такую лытку нашли»* (зап. от Малыгиной М.И.). Будучи великанами, баргуты соответственно обладали необыкновенной, нечеловеческой силой. В характеристике образа баргутов рассказчики используют такое определение, как «первобытный»: *«первобытны люди завелись, <...> они завелись, баргуты, в Баргузине перво»* (зап. от Гаськова Ф.С.); *«Народ был большой, говорят, здоровый, но недоразвитый, такого ничо не было – первобытный»* (зап. от Шелковникова И.Е.). Через определение баргутов как первобытных людей осуществляется противопоставление их современным жителям не только по внешнему признаку («крупный, черный народ» – «обычный, белый народ»), но и по образу жизни, по уровню материальной культуры. Таким образом реализуется семантическая оппозиция «свой – чужой», прослеживается эффект остранения аборигенов.

В ходе анализа также установлено, что наиболее устойчивым в русских преданиях о баргутах является мотив нахождения «следов». Реализуется он по-разному. «Следами» могут быть: кости; ямы, сараи, шалаши для самопогребения; мельница; колодец; канава; кресты; орудия

труда (топоры, ножи, наковальни); предметы конской упряжи; сережки, браслет; подкова. С прагматической точки зрения эти «следы» требовали своей интерпретации, логического, по мнению рассказчиков, объяснения, что неизбежно порождало в рассказе мотив пребывания исчезнувшего народа в данной местности.

Сюжетообразующим мотивом в преданиях о баргутах является мотив добровольного/недобровольного исчезновения. Самая распространенная его версия – мотив самопогребения. В устойчивой связи с ним выступает мотив появления в конкретной местности белой березы: «<...> *оне уничтожили себя, когда пошла береза, услышали, что белый люд будет.* (В диссертации показано, что образ баргутов обладает семантикой "черный народ". – Е.Т.). *В долине там и делали цараи, камни накладывали, подсекали, уничтожили сами себя*» (зап. от Гаськова И.И.) В свернутом виде проявляется семантическая оппозиция «белый – черный», синонимичная оппозиции «свой – чужой». Констатируется, что мотив появления белой березы очень устойчив в преданиях о баргутах. Белая береза символизирует в данном случае белый народ. Как пишет М.М. Громько, «<...> береза выступает как символ русской нации, как знак ее распространения»¹. И не случайно именно березу в преданиях народная традиция делает предвестником появления на конкретной территории русских поселенцев. Издревле береза воспринималась славянами (и не только славянами) как священное дерево, обладающее особыми магическими свойствами, одним из которых являлся оберег от нечисти. А исследовательница Н.И. Шутова считает, что «береза символизирует обжитое окультуренное человеческим коллективом пространство»², в отличие от хвойных лесов, в которых и обитали баргуты.

Современные записи преданий о баргутах расширяют сюжетно-мотивный состав тематического цикла об исчезновении аборигенов с конкретной территории, пополняя содержание Указателя сюжетов/мотивов преданий об исчезнувших аборигенах края (баргутах)³. В диссертации выделяются мотивы, не отмеченные в Указателе и зафиксированные в начале XXI века: 1. Баргуты называют себя так от бурятского слова *бар* – «барс, тигр, львиный»; 2. Баргуты убивают себя (заваливают себя землей, подрубая деревянные столбы), потому что из Баргузинской долины ушла вода; 3. Баргуты пашут землю прикрепленным к ноге плугом; 4. Обнаружение в конкретной местности «следов» пребывания исчезнувших аборигенов (баргутов). «Следом» является подкова; 5. Мотив *черной* березы, росшей в Баргузинской долине до прихода русских; 6. Мотив военного

---

¹ Громько М.М. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII-XIX вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII– начале XX в. (Сборник научных трудов). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1975, с. 83.

² Цит. по: Бессонов И.А. Мордовский эпос о Тюште и русские и финно-угорские предания о чуди // Традиционная культура. Научный альманах. 4 (64) 2016. – С. 59.

³ Тихонова Е.Л. Русские предания Восточной Сибири о заселении и освоении края. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006, с. 204-205.

столкновения баргутов с эвенками; 7. Баргуты роют подземные ходы в Лысой горе и исчезают там.

Анализ преданий о баргутах показывает, что данные предания относятся к архаичному пласту народной исторической памяти (глубина довольно значительная), и в основе содержательной части этих преданий лежит мифологический «универсум перволюдей» – информация, значимая не только для нескольких поколений, а для общины в целом. В преданиях об исчезнувших народах все основные мотивы коррелируют друг с другом, что делает эти предания «клишированными», типологически сходными в разных регионах бытования. Наблюдение над современным бытованием преданий о баргутах (XXI век) показало, что основные мотивы и описание образа баргутов транслируются в русле традиции, однако прагматика текстов во многом зависит от возраста информантов: чем моложе информант, тем более "прагматично" он смотрит на баргутов и на то, что с ними происходило. Таким образом, семантика преданий о баргутах продолжает оставаться традиционной, прагматика же текстов зависит от исполнителей и среды исполнения.

Во втором разделе **«Исчезнувшие с конкретной территории народы – монголы, татары, китайцы»** рассматриваются предания, в образно-мотивном плане очень близкие преданиям о баргутах, однако в которых мифическое для русских старожилов Бурятии племя баргут в повествовании заменено на ныне существующие этносы монголов, татар, китайцев¹. Происходит подобная замена в тех районах записи, где племя баргут не обитало.

Текст с практически полным набором традиционных мотивов об исчезнувших с конкретной территории народах-предшественниках записан в с. Шигаево Кабанского района РБ в 1956 г.: *«Где сейчас стоит село наше, Шигаево, тогда был сплошной лес, <...> Первыми жителями были монголы и татары. Они были сильны, большой кости, даже сейчас имеются места в песке, где видны скелеты людей. Сразу видно, что они были большого роста. Они хоронили сами себя. Возмут поставят стойки в яму, залезут в нее, обвалят землю, и она их задавит. Потом они увидели, что выросла белая береза, а до этого белой березы не было в здешних местах. Монголы узнали по этим белым березам, что придет белый царь, это значит – русский; и многие монголы вместе с татарами убежали, а многих русский царь Атилла, который потом пришел сюда, разбил. Их было здесь очень много, потом они вымерли. Русские построили несколько домов, первыми поселились Шигаевы»* (зап. от Кузнецова Н.Л.) В приведенном повествовании местными жителями как предшественники осознаются не мифические баргуты, о которых в здешних местах, может, и не слышали, а конкретные ныне живущие этносы – монголы и татары (эпические, а не

---

¹ Зафиксирован один текст, в котором народом-предшественником выступают эвенки. Этот текст рассмотрен в первом разделе второй главы.

этнические татары, по аналогии с монголо-татарским нашествием). В связи с этим возникает и новый мотив военного контакта аборигенов с русскими поселенцами, который отсутствует в преданиях о баргутах. Интересно, что вождь гуннов, живший и правивший в V веке, становится "русским царем". В остальном же предание традиционно и состоит из тех же мотивов, что и предания о баргутах – определение аборигенов как больших, сильных; мотив нахождения «следов» («скелеты людей»); мотив появления белой березы; мотив самопогребения. Так же, как и в преданиях о баргутах, на периферии возникает топонимический мотив, объясняющий название села Шигаево («первыми поселились Шигаевы»).

В данном разделе русские предания об исчезнувших народах-предшественниках сопоставляются с бурятскими преданиями на тот же сюжет. В бурятских преданиях как предшественники на определенной территории также осознаются монголы. Отмечается тот факт, что исход монголов с конкретной территории также связывается в бурятском предании с появлением белой березы: *«До прихода наших (Бурят. – Е.Т.) сюда, в этой местности (В Иволге. – Е.Т.) жили монголы, которые перекочевали в глубь Монголию потому, что здесь начали расти березы, которые, по их мнению, предвещали нападение или угрозу со стороны белых народов. Остатки этих монголов есть в виде больших плит, камней и т.д. в Иволге»* (зап. от Базар Нимаева). Народом-предшественником, то есть народом, жившим на данной территории еще до бурят, в предании осмысливаются монголы. Образ березы в бурятском предании функционирует в значении предвестника появления «белых народов» и обладает апотропеической функцией. Характер «следов», оставленных монголами, связан с историко-этнографическими реалиями. «Большие плиты, камни» – это материальные свидетельства распространенной на обширной территории степных районов Монголии и Забайкалья в VIII-VII веках до н.э. культуры плиточных могил. Налицо корреляция мотивов «аборигены – монголы» и оставляемых ими «следов». Причем в бурятских преданиях монголы не самоуничтожаются (как в русских), а укрываются в «глубь Монголию». Буряты, генетически связанные с монголами, постоянно контактирующие с ними, в силу этого обстоятельства не используют мотив самоуничтожения в тех преданиях, где этносом-предшественником являются монголы. А в русских преданиях тот факт, что народом-предшественником, исчезнувшим с конкретной территории путем самопогребения, выступает ныне живущий и активно контактирующий с русскими этнос – монголы – вообще не смущает рассказчика: *«А как пришли сюда русские, монголы стали сами себя давить. Такой сделает балаган вроде из камней, сам в него залезет и подрубит стойки. Ну, его там и заваливает»* (зап. от Крылова В.Л.).

В ряде бурятских преданий предшественниками на конкретной территории осознаются не только монголы, но и китайцы. *«Березы раньше здесь не были. Эти края (Тункинская долина. – Е.Т.) раньше были заселены*

китайцами. Когда белые березы начали расти, они поняли, что эта земля будет заселена русскими, белыми. И они сами укочевали. Признак белой березы как дух большой нации – переселяется раньше. За духом народ идет. Это бытует такой разговор среди бурят. Ямы – китайские овраги. Следы оросительной системы. Название так осталось – китайские овраги» (зап. от Байминова Ш.Д.). В связи с тем, что в бурятском предании этноспредшественник – китайцы, по-иному трактуется и мотив оставленных ими «следов» – ям. Ямы в этом случае – следы оросительной системы. Подобный характер «следов» объясняется историческим фактом (изобретение китайцами оросительной системы), сохранившимся в памяти носителей устной традиции.

Русские предания, в которых исчезнувшим с конкретной территории народом выступают наряду с монголами и китайцы, зафиксированы у старообрядцев-семейских Бурятии в Тарбагатайском районе: В преданиях наряду с образом белой березы присутствует и сюжетообразующий мотив самопогребения: *«И рассказывала мне тоже моя старенькая прабабушка. И вот она говорила, что они, люди-то вот эти – монголы и китайцы – они даже заходили, говорит, рыли в оврагах такие землянки, подрубали их и засыпались сами, погибали, говорит. Да, потому что именно березы стали расти в этих местах, и они уже предполагали, что должен белый человек прийти»* (зап. от Вишняковой Г.А.).

Образ китайцев в сюжетно-тематической группе преданий об исчезнувших народах выступает в ряду аллообразов – баргуты, монголы, татары, китайцы. Отмечается, что если в бурятском предании китайцы, поняв, что земля будет заселена русскими, *«сами укочевали»* (не используется, как и в случае с предшественниками-монголами, мотив самоуничтожения), то в русском предании китайцы, как и монголы, *«засыпались сами, погибали»*, то есть присутствует традиционный для преданий об исчезнувших древних народах мотив самопогребения.

Таким образом, в русских преданиях Байкальского региона об исчезнувших народах этноним «баргуты» (в районах, где племя баргут не обитало) может замещаться более известными названиями этносов – монголы, татары и китайцы. Однако независимо от этнической приуроченности образов аборигенных народов в русских преданиях мотивы (по сути мифологические), с ними связанные, традиционны и довольно устойчивы.

Третий раздел второй главы **«Функционально-прагматический аспект исследования преданий о баргутах (на примере одного текста)»** демонстрирует конкретный пример анализа текста предания о баргутах с целью выявления его прагматики. Для этого текст предания делится на сегменты и в них выделяются ключевые, опорные слова. Используя герменевтический метод (нужно сказать, что герменевтика – необходимый аспект прагматики, поскольку анализ фольклорного текста напрямую

сопряжен с пониманием, с интерпретацией выраженных в нем смыслов), интерпретируются основные смысловые узлы каждого сегмента.

Прагматический аспект исследования выявил мотивацию исполнения предания о баргутах, «речевую реальность» исполнителя, его речевые стратегии, направленные на убеждение в правдивости рассказа и поддержание фольклорной материнской традиции. Устанавливается, что главное в тексте – его прагматическая многоаспектность: 1. Контекст определяется конкретной причиной возникновения самого факта разговора, местом, временем, соотношением социальных рангов собеседников; 2. Коммуникация определяется вопросом собирателя или поднятой им темой разговора; 3. Информант отвечает на вопрос собирателя; 4. Информанту самому явно интересно, откуда – интересные, загадочные детали, интрига; 5. Рассказчик естественно и тщательно выдерживает задачу и генеральную черту поэтики предания – убеждает в достоверности рассказываемого; 6. Как неизбежное следствие – рассказчик воспроизводит традицию.

Прагматический анализ одного текста предания о баргутах дает возможность сделать вывод о мотивации его исполнения, о традиционности структурирующих текст предания мотивов, о степени сохранности (она довольно высокая) традиции бытования преданий о баргутах в Баргузинской долине.

В четвертом разделе **«Рассказы об основании сел и деревень, о первопоселенцах»** рассматривается сюжетно-тематический цикл преданий о заселении и освоении русскими Восточной Сибири. Устанавливается, что рассказы русских старожилов об основании сел и деревень, о первопоселенцах обладают достаточной полнотой известных фольклорной традиции сюжетов и мотивов, наличием архаичных форм преданий: это мотивы основания селений одним, двумя или группой поселенцев; мотивы добровольного, вынужденного или насильственного переселения, мотив первой встречи русских переселенцев с бурятами.

Герои преданий, записанных на территории современной Бурятии, представляют различные социальные группы первопоселенцев: 1) казаки, по болезни или по старости ушедшие из отрядов первопроходцев и осевшие на новых землях, а также казаки, специально присланные для охраны вновь создаваемых острогов и пустившие корни на новом месте; 2) ссыльные, которым наказание определялось как «на житье в Сибирь», а также сосланные на поселение после отбывания каторги; 3) добровольные переселенцы, которые отправлялись в Сибирь в поисках свободных земель; 4) старообрядцы (в Забайкалье – семейские), которые бежали от преследований и притеснений со стороны властей и официальной церкви или насильственно переселялись; 5) переселенцы-дезертиры, которые бежали в Сибирь, скрываясь от службы в армии; и, наконец, 6) монахи, которые селились около целебных источников, и со временем там выросло поселение. В работе поэтапно проанализированы основные типы персонажей, характерные для преданий о первопоселенцах-сибиряках.

Предания, представляющие наиболее ранний пласт рассматриваемой тематической группы, включают в себя следующие архаические сюжетобразующие мотивы: основание селения одним первопоселенцем (добровольный переселенец, вынужденный переселенец (ссылный), монах); основание селения двумя/тремя братьями; основание селения двумя/тремя первопоселенцами, не связанными родством (разные семьи).

В региональном восточносибирском репертуаре наиболее распространенным является мотив основания селения одним первопоселенцем. В роли основателей селений выступают как добровольные переселенцы, так и вынужденные – бывшие каторжане, ссылные. На этом обстоятельстве (добровольное или вынужденное переселение) в сибирских преданиях, как правило, делается акцент, значит, рассказчикам это обстоятельство небезразлично. На повествовательном уровне это выражается в наличии в структуре предания мотивов добровольного или вынужденного переселения: *«Мы все – ссылные. Нагрешит чо, его сюда и ссылают»* (зап. от Кавизина Ф.К.).

Мотив основания селения братьями в локальных традициях Бурятии хотя и присутствует, но довольно редок, к тому же контаминирует с мотивом основания селения соседями: *««Сюда ссылали людей, потому что жалели пули и на плаху не отправляли. Здесь поселились три семьи: Емельяновы, Ипатьевы, Ананины. <...> Ананиных было три брата»* (зап. от Ананиной А.Д.). Мотив основания селения соседями (три семьи) осложняется мотивом основания селения тремя братьями, т.е. налицо традиция трехперсонажности, причем в двойном аспекте: трехперсонажность кровнородственная (три брата) и трехперсонажность, не объединенная кровным родством, но объединенная общей функцией основания поселения (три семьи).

Данные предания отражают и в рамках всего цикла осмысливают исторический процесс присоединения сибирского региона к Российскому государству.

В пятом разделе **«Мотив "монахи основывают поселение"»** анализируются две версии предания с сюжетобразующим мотивом «монахи основывают поселение». Оба текста являются вариантами этиологического предания, повествующего о причине возникновения поселения именно на этом месте. Согласно преданию, монахи основали поселение Нилову Пустынь после обнаружения в этой местности одним из монахов горячих (целебных) источников. В варианте предания, записанного от М.Д. Софина в 1959 г., повествуется о монахе Ниле, который, будучи "в побеге", в Тункинской долине, *«в той местности, где сейчас находится Нилова Пустынь, <...> обнаружил горячие источники»*, после чего монахи основали там поселение: *«построили дорогу к источникам, мост, церковь, часовню, стали заниматься сельским хозяйством»*. По версии И.К. Бекетова (запись 1963 г.), целебные источники открыл (узнав о них от «одного охотника») безымянный монах, которого настоятель иркутского монастыря

отец Нил отправил служить священником в туранскую церковь. Обе версии предания содержат сюжетобразующие мотивы обнаружения сакрального места (горячие источники) и основания недалеко от него поселения. В процессе анализа отмечается, что традиционно горячие источники, в силу своей исключительности (выступающая из-под земли горячая вода), как и другие «знаково отмеченные элементы ландшафта» (Новик Е.С.) принадлежат к почитаемым в народе святым местам. С горячими/святыми источниками коррелируют образы первооткрывателей этих источников – монахов: монахи в народной традиции обладают маргинальным статусом, это люди, принадлежащие двум мирам, это «непогребенные мертвецы». Данный статус и позволил монахам обнаружить, освятить и сделать достоянием простых людей целебные источники. Профанный и сакральный миры взаимодействуют между собой, и медиаторами в отношении этих миров выступают монахи (в силу своей маргинальности). Делается вывод о том, что реалистический мотив обнаружения монахами горячих источников оказывается тесно связанным с мифологическими представлениями, реализуемыми в текстах через общекультурные коннотации.

В шестом разделе «**Мотив строительства сакральных и профанных сооружений в структуре преданий о первопоселенцах**» выделяется и анализируется часто встречающийся в преданиях о первопоселенцах мотив строительства различных сооружений. В зависимости от назначения сооружений они классифицируются либо как сакральные (церкви), либо как профанные (дома и сооружения хозяйственного назначения). Отмечается, что во многих преданиях о заселении и освоении Байкальского региона присутствует информация о строительстве в первую очередь церкви на месте основания поселения: *«Сами жили всяко разнo, а ставили в первую очередь церковь. Хоть небольшую, даже маленькую, деревянную. Но она была в первую очередь»* (зап. от Доновской В.П.). Мотив строительства церкви далеко не случаен в структуре преданий о первопоселенцах: как и повсюду, сооружение церкви на новом месте осмысливалось народной традицией как символ освоения края. Поэтому-то, как отмечает Н.А. Миненко, сведения об основании церквей и монастырей в Сибири передавались из поколения в поколение.

С мотивом строительства церкви коррелирует мотив выбора места для этого строительства. В восточносибирской региональной традиции мотив выбора места для сооружения церкви представлен наиболее архаичной своей разновидностью – выбор места при помощи священного животного. Первопоселенцы, как правило, строго соблюдали традиции и обычаи, связанные с выбором мест для поселения, для строительства церкви. Существовал целый набор признаков и правил определения этих мест. Место должно было быть "чистым". В Забайкалье, как и в других регионах, считалось, что определить такое место может конь: *«Начали деревню строить. Сначала церкву построили <...>. Посылали коня вперед, где остановится, там и строить. Пустили коня, он на болоте стал, как в*

тупик, топнул ногой. Значит, тут и строить надо. Годов десять-двенадцать строили» (зап. от Кавизина Ф. К.). В ходе анализа отмечено, что появление образа коня в фольклорном мотиве выбора места для строительства церкви свидетельствует об архаичности как самого мотива, так и его этнографического субстрата. Констатируется, что мотив выбора места для строительства при помощи коня присутствует и в предании, повествующем о строительстве профанных сооружений: *«Вот, например, едут. Лошадь остановилась, даже в глухой тайге, остановилась – все, здесь останавливаются и начинают выкорчевывать. Строят дом. Потом корчуют для посева. И вот так. Так начинается деревня»* (зап. от Доновской В.П.). Также место для строительства профанных построек, согласно народным рассказам, может определить лесной петух: *«Дедушка наш, наш дедушка рассказывал, мы маленьки были, и говорить, на двух конях едут, двояшками – муж с женой и другой муж с женой. Четыре человека. Тут маленька рячушка бязить. Они остановились ночевать. А, говорить, лясной пяхух пропел, лясной. Один мужик говорить: "Нам суждено ...". Это Катерина сослала их, они вот сюды, в Сибирь, приехали. Но и один говорить: "Нам суждено здесь, пяхух раз сказал, пропел, значит, мы тут будем". И давай они сялиться»* (зап. от Мартыновой Ф.К.).

В одном из текстов преданий выделяется и анализируется мотив нарушения традиции выбора места для строительства церкви, что влекло за собой неотвратимое наказание – смерть, которая наступала от употребления в пищу одноглазого осетра, персонифицированного хозяина местности.

В ходе анализа преданий, содержащих мотив выбора места для строительства сакральных сооружений (церкви), установлено, что определялось такое место при помощи священного животного (в восточносибирских преданиях это конь). Мотив выбора места для строительства профанного сооружения (домов, надворных построек) также своими корнями уходит в мифологические представления носителей традиции и связан с образом священного животного или птицы (в случае восточносибирской региональной традиции это конь и петух). Часто встречается мотив выбора места для строительства жилых помещений, связанный с практической стороной дела – место, согласно преданиям, выбиралось по удобству расположения, богатству промысловых угодий, красоте окружающей природы.

В седьмом разделе **«Межэтнические контакты русских старожилов и бурят в преданиях и устных рассказах»** рассматриваются предания и устные рассказы о прежних хозяйственных и бытовых контактах русского старожильского и аборигенного бурятского населения. Подобные рассказы зафиксированы как в старожильской, так и в старообрядческой среде. Отмечается, что рассказы старожилов отличаются меньшим набором традиционных мотивов о межэтнических контактах русских и бурят, нежели рассказы старообрядцев (семейских). Тем не менее, рассказы о хозяйственных взаимоотношениях русских старожилов и бурят являются

неотъемлемой частью народной повествовательной культуры русского старожильского населения Бурятии. Взаимовыгодные хозяйственные отношения, судя по рассказам информантов, являлись основой для постоянных межэтнических контактов русских и бурят, способствовали установлению не только деловых, но и дружеских взаимоотношений. Поэтому в преданиях и устных рассказах русских старожилов об отношениях с коренным населением наряду с мотивом взаимовыгодных хозяйственных отношений выделяется мотив, семантическим компонентом которого выступает дружба русских и бурят: *«Буряты-то ходили в Баргузин, мясо возили, скота гоняли, особенно баран. И ночевали, и всё. <...> Но, дружно жили. Заедут ночевать, все равно пускали»* (зап. от Истомина В.Ф.).

Устойчивым в устных рассказах о хозяйственных взаимоотношениях русских и бурят являются мотивы, связанные с хлебом. Информанты обязательно (это касается и старожилов, и старообрядцев-семейских) акцентируют внимание на большой разнице в приготовлении и употреблении в пищу хлеба русскими и бурятами: *«русские-то, они хлеб как хлеб пекли, а буряты-то где... вот они там...на улице, на этих, на противнях на таких лепешки... ели»* (зап. от Липиной В.И.). Противопоставление *русские пекут хлеб как хлеб / буряты пекут лепешки* (лепешки – устойчивый компонент мотива и у старообрядцев тоже) в рассказах является не случайным: для земледельца хлеб – непреходящая ценность, и тот факт, что кто-то (в данном случае – скотоводы-кочевники) может либо вообще обходиться без него, либо ограничиваться лепешками, поражал воображение и входил в устную традицию. Анализ преданий и устных рассказов данной тематической группы показал, что с точки зрения бытовых контактов строгого запрета на прием пищи за одним столом/на пользование одной посудой с иноверцами в среде приверженцев традиционного православия (в отличие от старообрядцев-семейских) не существовало.

Как известно, между русскими и бурятами издавна существовали не только хозяйственные, но и родственные связи. Межэтнические браки представляют собой одну из показательнейших сторон межэтнического взаимодействия. В среде старожилов межнациональные браки, поддерживаемые Русской Православной Церковью с целью обеспечения оседлости кочевого народа, его христианизации, и вовсе приводили к появлению метисного населения, которое дало, по словам Г.М. Осокина, «особую ветвь русского народа». Одним из районов Бурятии, в котором компактно проживают потомки метисного населения, является Тункинский район. Информант свидетельствует: *«В долине (Тункинской. – Е.Т.) переплелись русские и бурятские обряды. Мы преклоняемся и перед буддийской и перед христианской верой. ... Вся кровь смешалась»* (зап. от Нефедьевой Т.С.). Факты двоеверия православие/язычество – буддизм/шаманизм (на уровне оппозиции русские – буряты) нашли свое

отражение в локальной фольклорной традиции Тункинской долины. А вот тексты, содержащие мотив перевода буддистов/шаманистов в православие (у семейских это традиционный мотив), у старожилов Тункинской долины не зафиксированы.

В восьмом разделе **«Рассказы о происхождении некоторых бурятских родов в репертуаре русского старожилого населения Тункинской долины»** анализируются предания на иноэтнические сюжеты, бытующие в фольклорной традиции русских старожилов Тункинской долины Республики Бурятия.

Тункинская долина – одно из уникальных (с точки зрения этнографов, фольклористов, лингвистов) мест Западного Забайкалья. Жителей Тункинского района называют карымами или ясашными: *«Ясашные – буряты женились на русских. Буряты платили ясак, вот их и прозвали ясашными. <...> И кто от этих браков родился – ясашные»* (зап. от Нефедьева Г.А.). Сами жители Тункинской долины, являющиеся далекими потомками метисного обрусевшего населения, идентифицируют себя с русскими. И субъективно, и объективно они таковыми и являются. И тем не менее, именно в их среде наиболее активно (по сравнению с другими этносоциальными группами русского населения Бурятии) бытуют произведения, заимствованные из бурятской фольклорной традиции или являющиеся родственными ей. Совместное проживание на одной территории русского и бурятского народов, взаимодействия и взаимовлияния в области материальной и духовной жизни, создание смешанных браков стимулировали функционирование в русскоязычной среде бурятских преданий. Большую группу таких преданий составляли этногенетические предания.

В репертуаре русского старожилого населения Бурятии в 30-50-е годы прошлого столетия были зафиксированы предания, повествующие о происхождении некоторых бурятских родов. Таковы этногенетические предания «О Бурядае и Суйхане», «Богатырь Хоридой», «Олзой, сын бурята», «Баргу и Булагчин», «Бурят-богатырь» и другие (записи разных лет Л.Е. Элиасова). Широко бытует в русской локальной традиции Тункинской долины предание о Буха-нойоне – тотемном первопредке булагатских родов. Русской локальной традиции Тунки знакомы разные версии мифологического предания о Буха-нойоне. Однако сюжетообразующим в них является топонимический мотив, объясняющий название горы – Бычья. Все эти предания глубоко архаичны и являются по сути мифологическими преданиями. В ходе исследования делается вывод, что функционирование бурятских этногенетических преданий в русской локальной традиции способствует их консервации и сохранению жанровой принадлежности (в бурятской фольклорной традиции они часто трансформируются в сказку). Давно войдя в репертуар русских сказителей, предания на иноэтнические сюжеты являются неотъемлемой составной частью русской локальной традиции старожилов Тункинской долины, определяя тем самым ее

специфику.

В девятом разделе «**Рассказы о названиях населенных пунктов и географических объектов**» исследуется значительный пласт народной исторической (в широком смысле этого слова) прозы русских старожилов Бурятии – топонимические предания/топонимические мотивы в преданиях других жанровых разновидностей. Учитывая, что в фольклорном тексте слово обладает большей семантической амплитудой и определенной национально-культурной коннотацией, автор на примере конкретных текстов показывает, что имя собственное в фольклоре является семантически более "нагруженным", чем в бытовой речи, оним является особым языковым знаком, семантическим кодом, расшифровка которого дает представление о языковой картине мира русских сибиряков.

В работе предпринято исследование топонимов не только на этимологическом и семантическом уровнях, но и на уровне прагматическом (осознание необходимости выбора того или иного имени собственного). Именно мотивация при именовании географических объектов является важным показателем своеобразия народного самосознания, миропонимания, а сама топонимия представляет мощный пласт духовной культуры, отражающий менталитет народа. С прагматической точки зрения имена собственные играют важнейшую роль в исторической фольклорной прозе, привязывая события, о которых идет речь, к месту, к объекту (топонимы), и/или маркируя участников этих событий (антропонимы).

В работе устанавливается, что содержание фольклорного топонима и топонима общеязыкового не всегда тождественно. Народные мотивировки происхождения и содержания топонимов вызываются к жизни определенными прагматическими причинами: желанием знать историю села, историю его названия и при этом недостаточностью достоверной информации; желанием объяснить названия географических объектов, включенных в орбиту жизнедеятельности людей, или на которых произошли памятные события (земельные и сенокосные угодья, сопки, пади, ручьи, лесные поляны); желанием следовать традиционным мотивировкам, при этом поэтизируя окружающую среду (сегодня это предания с мифологическими мотивами, тексты, в которых персонифицируются географические объекты – горы, озера, реки – и соответственно наделяются именами собственными); желанием объяснить иноязычные топонимы. Все эти причины порождают народно-этимологическое объяснение происхождения топонимов, что сегодня в науке предлагается называть (в совокупности – причины и объяснение) фольклорной ремотивацией топонима¹.

Исследование топонимов с точки зрения их функционально-прагматического назначения позволило установить, что основными

---

¹ Березович Е.Л. К изучению механизмов порождения фольклорного текста (на материале топонимических преданий) // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. Том III. – М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2006, с. 226.

функциями топонимов в тексте являются номинативная, информативно-мнемоническая, ориентационная, регламентирующая, медиаторная, эстетическая. Эти функции позволяют фольклорным топонимам реализоваться в тексте как языковым знакам. В свою очередь, топонимы как особые языковые знаки в фольклоре позволяют получить из фольклорного текста историческую, этнографическую, этнологическую информацию (что в совокупности и дает нам представление о языковой картине мира этноса), естественно, разбавленную народной герменевтикой. В этом и заключается специфика фольклорного топонима по отношению к собственно топонимам, или языковым топонимам. Фольклорные топонимы в работе исследуются в рамках известной науке классификации типов топонимических номинаций: посессивный, локативный, квалитативный, народно-этимологический.

Анализ топонимических мотивов в структуре преданий о первопоселенцах показал, что в большинстве случаев название населенного пункта связывается с именем или фамилией первопоселенца (посессивный тип топонимической номинации), иногда эта связь присутствует имплицитно. Это такие топонимы, как *Брянск, Шигаево, Нестерово, Леоновка, Никольск, Нилова Пустынь, Сидорово, Фофаново, Телятниково, Колесово*. Однако два последних топонима в локальных традициях (наряду с большим количеством других топонимов) имеют и другой тип топонимической номинации – квалитативный (происхождение названия населенного пункта от профессиональной деятельности первопоселенцев, рода их занятий): *«Но вот деревня Колесово. <...> В той деревне, видимо, жили таки, ну, умелые, изготовляли колесья для телег. И дальше, когда стала расстраиваться эта деревня, ее назвали Колесово»* (зап. от Родьевой М.С.). (Ср.: *«Ну, вот, допустим, Колесово. Я сама с Колесово уроженка. И там вот первый, значит, именно начал строиться по фамилии Колесов. И назвали эту деревню Колесово»* (зап. от Исаевой П.К.)). В Забайкалье топонимы посессивного типа встречаются не только при наименовании населенных пунктов, но и при наименовании тех или иных природных объектов – озер, гор, падей и т.д.: *Борискино озеро, озеро Пахино, Агашкина гора, Петряковский ключ, Фёдоровский ключ, Иванова падь, Устинова падь, Казаевский сивер* и др. В данных именовании реализуется принадлежеческая функция. В связи с этим делается вывод, что прагматическая потребность в именовании конкретного локуса (названиях селений, близлежащих сельскохозяйственных угодий, водоемов, сопков и падей и т.д., которыми изобилуют тексты преданий) заключается в том, что эти именования (топонимы) одновременно и 1) система координат на местности, система ориентиров в пространстве, и 2) регуляторы земельных отношений (а земельные отношения – основа взаимоотношений в сельской общине, их упорядоченность влияла на мирное сосуществование членов общины).

В названиях, зачастую данных географическим объектам далекими предками современных пользователей топонима, внутренняя форма

топонима может затемняться, четко не прочитываться. Тогда желание местных жителей объяснить происхождение того или иного названия порождает различные фольклорные версии, которые могут быть основаны как на истинном, так и на ложном, народно-этимологическом объяснении имени собственного. В работе анализируются такие топонимы, основанные на народно-этимологическом типе номинации, как *Нюки*, *Кычино*, *Шариха*, *Читкан* (названия сел).

В ходе исследования названий населенных пунктов и географических объектов в структуре фольклорного текста в разделе делается вывод, что прагматическая установка рассказчика объяснить происхождение/содержание топонима запускает механизмы порождения фольклорного текста, в данном случае – топонимического предания (либо его отдельных мотивов). Информативность (языковой код), семантика, прагматика большого числа топонимов в преданиях позволяют воссоздать картину реальной жизни создавшего оном народа, – с одной стороны, и увидеть, как эта жизнь отразилась в народном сознании на речевом уровне, – с другой. Функционально-прагматический подход в исследовании топонимов позволил осмыслить их как языковые универсалии, интегрирующие в себе и денотат (например, конкретный человек с конкретной фамилией), и концепт (например, предок-первопоселенец).

В десятом разделе «**Пространственно-временные характеристики мотива в исторических преданиях**» исследуется специфика отражения пространства и времени в исторических нарративах русского старожильского населения Байкальского региона. Показано, что если в действительности пространство и время представляют собой всеобщие формы существования материи, «сосуществование и смену состояний реально существующих объектов и процессов» (Зобов, Мостепатенко), то в фольклорном произведении категории пространства и времени являются некоей абстракцией, компонентами модели мира, служащими для упорядочения идеализированных предметов референции. В условно реалистическом нарративе, коим по определению является позднее предание, отображение действительности происходит на уровне понятий/концептов, следовательно, все компоненты фольклорной модели мира, в том числе пространство и время, носят концептуальный характер.

Характеристика пространственно-временных категорий в народных преданиях русских сибиряков представлена с учетом того, что фольклорный текст – это еще и (в той или иной степени) произведение словесного искусства (а не просто речевой акт), отображающее действительность по своим художественным/фольклорным законам. Эти законы реализуются в виде конкретных приемов и способов художественного отображения действительности в фольклоре, таких, как типизация, идеализация, гиперболизация, привязывание одного или нескольких мотивов к различным историческим событиям. Все это накладывает отпечаток на отражение пространственно-временных отношений в преданиях в

соответствии со спецификой художественного освоения действительности. Таким образом, в русской народной исторической прозе о заселении и освоении края пространство и время являются, с одной стороны, концептами реального пространства и времени (как компоненты реалистических нарративов, стремящихся правдиво отобразить события и факты); с другой стороны, пространство и время в преданиях являются результатом художественного отображения действительности со всеми вытекающими отсюда последствиями – анахронизмами, деформациями пространственно-временных отношений и т.д. Анализ пространственно-временной проблематики в исторических преданиях показал, что концептуальное пространство-время (отображающее реальную сторону пространства-времени) начинает доминировать над художественным (эпическим), в чем проявляется такой жанрообразующий признак преданий, как установка на достоверность сообщаемого.

Предпринятое в диссертационной работе рассмотрение проблемы соотношения пространства и времени на одном тематическом цикле преданий, являющихся одностадиальными или стадиально близкими друг другу, обусловило синхронный уровень исследования. В разностадиальных же (отличных по времени возникновения) преданиях категории пространства и времени реализуются по-разному: от сакрального мифического времени, по Мелетинскому, которое движется по кругу и в итоге остается неподвижным (циклическое время) – в мифологических преданиях, до профанного исторического, или сюжетно-линейного времени – в исторических преданиях; от сакрального, наделенного мифологическими чертами локуса ("чужой"/враждебный, неосвоенный локус) до профанного номинированного локуса – от крупномасштабных территорий до точечных локусов (от России, Сибири до конкретно обозначенных сел, гор, заимок, падей и т.д.).

Установлено, что для цикла преданий о заселении и освоении края характерен такой способ «освоения времени», как время через смену поколений – генеалогическое время: *«Пришел сюда Никита какой-то с пятью сыновьями. <...> Один из его сыновей был моим дедом. Это я маленькая была, дед Дорофей рассказывал, а ему, наверное, в то время девяносто лет было. Вот и считайте, сколько лет Никольску»* (зап. от Леоновой М.П.).

Таким образом, исследование категорий пространства и времени в преданиях о заселении и освоении Байкальского региона показало, что в сибирских преданиях интенсифицируется культуральная значимость содержащегося в их сюжетике русского (сибирского) хронотопа. Ему принадлежит существенная роль в организации пространственно-временного континуума в восточносибирских преданиях о заселении и освоении края. Исторические события, связанные с заселением и освоением сибирского региона, насыщают пространство временем, втягивая это

пространство в историю¹. Подобно тому, как М.М. Бахтин назвал Рим «великим хронотопом человеческой истории», Сибирь можно назвать великим хронотопом Российского государства, его истории.

В третьей главе «Культурные концепты и нравственные ориентиры в фольклорной исторической прозе старообрядцев (семейских) Бурятии» исследуются такие прозаические жанры фольклора семейских, как предания и устные рассказы. Обусловлено это тем, что до недавнего времени эти жанры народной прозы старообрядцев Бурятии целенаправленно и системно не изучались. В поле зрения собирателей и исследователей фольклора семейских постоянно находилась песенная традиция: благодаря знаменитому многоголосью, семейскому распеву, в первую очередь записывался и изучался именно песенный репертуар старообрядцев Бурятии. Между тем, прозаические жанры в фольклоре семейских функционировали в прошлом и функционируют сегодня, о чем свидетельствуют экспедиционные материалы, собранные в семейских селах в разные годы и хранящиеся в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, а также экспедиции последних лет в семейские села Тарбагатайского, Мухоршибирского, Бичурского, Хоринского, Кижингинского, Селенгинского районов Республики Бурятия.

В первом разделе **«Предания старообрядцев Забайкалья о заселении края»** исследуется локальный репертуар преданий старообрядцев Бурятии о заселении и освоении края, выявляется его специфика по отношению к репертуару преданий аналогичного цикла старожилов/сибиряков/православных – так старообрядцы называют русское население Бурятии, исповедующее традиционное православие.

Установлено, что наиболее традиционным из всех мотивов, структурирующих тексты преданий о заселении семейскими Забайкалья, является мотив основания селения одним первопоселенцем. Однако специфика образа первопоселенца в преданиях семейских заключается в том, что на новое место жительства он прибывает не один, а с семьей (ссылали-то семьями). В преданиях же других групп населения Сибири первопоселенец (как правило, это ссыльный или беглый каторжник, реже – добровольный переселенец) сначала основывает поселение, а затем уже обзаводится семьей. Таким образом, в семейских преданиях мотив основания селения одним первопоселенцем трансформируется в мотив основания селения одной семьей (представленной, конечно же, ее главой). *«Слепневская фамилия переселена сюда из Самары. Сосланы за религию, слышал, поди, про раскольников-то. Когда Иван Слепнев со старухой приехали сюда (В Бичуру. – Е.Т.), здесь жили одни буряты да монголы»* (зап. от Слепнева М.Ф.). Самоназвание "семейские" рассказчики также

---

¹ Бахтин М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979, с. 235.

объясняют тем фактом, что их сослали семьями: *«Приезжали все парами, семьями, значит. Потому и семейские»* (зап. от Слепнева М.Ф.).

Характерной чертой преданий старообрядцев является четкая хронологическая последовательность, с которой перечисляются прибывшие в Забайкалье фамилии: *«Первыми пришли в Бичуру три фамилии: Кирюхановы, Белых и Петровы, лет триста пятьдесят назад. Вторыми – Афанасьевы и Слепнёвы, за ними – Перелыгины и Утенковы, потом – Савельевы и Павловы. После пришли и другие»* (зап. от Белых А.С.). Народная память бережно хранила фамилии тех людей, которые первыми прибыли на неосвоенную территорию и, следовательно, испытали большие трудности в освоении новых земель. Народные предания выступают в данном случае не только трансляторами исторического опыта этноса, прагматика данных преданий способствует тому, что они выступают гарантами исторической справедливости.

Специфическим мотивом в структуре преданий старообрядцев о заселении края является мотив основания селения так называемыми разнопоселенцами, то есть смешанными в социоконфессиональном отношении группами людей. В работе отмечается, что рассказчики-старообрядцы четко разделяют села Бурятии на семейские, старожильческие и смешанные, причем "старинными" признаются села со старообрядческим населением: *Тарбагатай, Большой Куналей, Куйтун, Десятниково. А, например, Пестерево, Хандагатай – «это уже больше наезжий народ»* (зап. от Ефимовой У.В.).

В работе показано, что наряду с общесибирскими мотивами основания селения в преданиях старообрядцев о заселении края выделяются более частные, локальные мотивы, связанные, главным образом, с историей происхождения раскола и народным осмыслением сущности этого явления. Однако в рассматриваемом цикле эти мотивы не являются сюжетообразующими. В народных рассказах семейских о заселении края мотивы происхождения и распространения раскола возникают с целью мотивировки появления в Забайкалье старообрядцев: *«Ссылали их за веру Христову. Там вера другая стала, а это за веру <...> сюда отправляли»* (зап. от Чистяковой А.П.).

В целом предания старообрядцев Забайкалья о заселении края вполне традиционны и содержат в своей структуре сюжетогенные мотивы основания селения одним, двумя/тремя или группой первопоселенцев. Однако в отличие от преданий данного цикла старожилов-новообрядцев, предания старообрядцев содержат мотивы, обусловленные историей старообрядчества – раскол веры, приверженность старым обрядам и обычаям, мотив гонений на старообрядцев.

Во втором разделе **«Прагматика и ситуативные факторы порождения текстов исторической прозы (на примере села Хасурта)»** рассматриваются предания и устные рассказы старообрядцев села Хасурта с точки зрения ситуативных факторов порождения устных высказываний на

непростую тему истории жителей села Хасурта, с учетом «прагматического коэффициента» этих высказываний.

Село Хасурта Хоринского района Республики Бурятия с позиции сложившейся в нем этноконфессиональной ситуации является уникальным. До сих пор население села делится по конфессиональному признаку на семейских и карымов: в верхней части села проживают семейские, в нижней – карымы. Карымы – это потомки смешанных браков между русскими и бурятами, по конфессиональной принадлежности они не старообрядцы, их и сегодня в селе называют инородцами. Анализ текстов показал, что носители тех или иных фамилий являются либо семейскими (при этом они могут быть выходцами из бурят), либо карымами-православными, которые по определению являются выходцами из бурят: *«Здесь фамилии Казазаевы, Ивановы, Серпионовы. А эти Мартыновы, Бурдуковские – это все из бурят. (Как это получилось? – соб.). Ну как. Буряты были, крестились, в русскую веру переходили, и все. Вот здесь буряты жили, на горе. <...> А породнились вот так. Бурдуковские – это буряты. Мартыновские – буряты. Вахрушевские – буряты. Но Вахрушевские-то, они карымы, они называются не семейские. ... Но они буряты, четвертое поколение, пятое-четвертое, они черные, так похожи»* (зап. от Иванова А.И.). Выяснилось, что жители села с фамилиями Ивановы, Казазаевы, Абрамовы, Серпионовы являются "чистокровными" семейскими, Бурдуковские и Мартыновы являются выходцами из бурят, инородцами, но тоже семейскими, а вот Вахрушевы – это тоже выходцы из бурят, инородцы, но не семейские, а «православные»¹, т.е. карымы. Столь сложное положение с этноконфессиональной принадлежностью хасуртайцев ставит порой в тупик их самих (что моментально отражается на тексте): *«Я вот как-то не могу объяснить. Я все это для себя понимаю, а вот...»* (зап. от Иванова В.Ф.).

Исследование ситуативных факторов порождения текстов, проведенное на основе анализа преданий и устных рассказов жителей села Хасурта о своем прошлом и о своих предках, показало, что сложная этноконфессиональная ситуация в селе Хасурта объясняется, согласно народным преданиям, частыми (намного чаще, чем в других семейских селах) межэтническими браками. С прагматической точки зрения, которая нашла свое отражение в текстах, браки эти заключались по многим причинам, среди которых были и боязнь кровосмешения, и нежелание общаться с новообрядцами-отступниками (*«лучше выйти замуж за бурята, чем за такого, православного»*), и хозяйственные интересы. Прагматика текстов об истории и жителях села Хасурта – это показатель особой двуединой природы этих текстов, обусловленной, с одной стороны, традиционностью, устойчивостью фольклорных мотивов, из которых эти

---

¹ Напомним, что в Забайкалье старообрядцы себя называют семейскими, а приверженцев традиционного православия – «православными» или «сибиряками».

тексты состоят, а с другой – естественной, ситуативно обусловленной формой их бытования в исполнительской среде.

Третий раздел **«Межэтнические контакты семейских и бурят в преданиях и устных рассказах современных старообрядцев Бурятии»** посвящен исследованию преданий и устных рассказов, в которых повествуется о взаимоотношениях пришедших в эти края более двух веков назад семейских и бурят. Нарративы исследуются в первую очередь с точки зрения семантики составляющих их мотивов, а также с точки зрения прагматики текстов. Основными мотивами, структурирующими тексты преданий и устных рассказов, являются мотив дружбы между семейскими и бурятами; мотив хозяйственных взаимоотношений (буряты выделяют семейским наделы земли; семейские арендуют у бурят землю; семейские отдают скот на выпас бурятам; семейские продают бурятам зерно; семейские покупают/выменивают у бурят шерсть); мотив запрета на общение с иноверцами в еде и питье/на пользование одной посудой; мотив заключения межнациональных браков; мотив обращения бурят в "семейскую" веру. Анализ текстов показал, что в преданиях и в устных рассказах современных старообрядцев Бурятии нашли отражение исторически сложившиеся межэтнические контакты семейских и бурят. Прагматический аспект исследования выявил нацеленность исполнителей на дружественное и даже дружеское восприятие иноверцев-бурят в контексте совместного существования.

В четвертом разделе **«Отражение этноконфессиональных ценностных ориентаций в современной исторической прозе старообрядцев Бурятии»** представлены результаты исследования исторических нарративов с точки зрения отражения в них культурных концептов, ценностных ориентаций прежних и современных старообрядцев Бурятии. Анализ устных народных рассказов семейских о своем прошлом, с реминисцентными оценочными высказываниями информантов по поводу прошлого и настоящего старообрядчества позволил выявить локализацию ценностных систем вокруг трех основных культурных концептов – это древлеправославная вера, трудовая этика, семейные устои. Ориентируясь на дониконовские церковные традиции своих предков, ставя во главу угла труд и семейные ценности, старообрядцы Бурятии долгое время сохраняли основные элементы базовой русской православной культуры.

Большинство рассказов семейских свидетельствует о том, что основным стержнем в системе ценностных ориентаций старообрядцев являлось древлеправославие. Именно религия регламентировала всю жизнь старообрядческого села. Соблюдение религиозных норм отражалось и на фольклорной традиции старообрядцев-семейских: у них, например, большим грехом считалось рассказывание сказок (*«Сказки – это все сверхъестественные силы, против Бога, а это все грех! Нет, не было. Нет. Нет»* (зап. от Иванова В.Ф.)). Информанты свидетельствуют, что основной ценностью, материальной и духовной, для старообрядцев были иконы и

богослужебные книги. Потомки прежних старообрядцев рассказывают, что, отправляясь в Сибирь, в ссылку или "добровольно" переселяясь, старообрядцы в первую очередь везли с собой старинные иконы и «непереписанные» книги – атрибуты древлеправославного культа, позволявшие отправлять религиозные обряды. В связи с историческими реалиями в рассказах возникает мотив разорения церквей, истребления икон, богослужебных книг (*«церкви разорали, с икон делали собакам гнезда (Будки. – Е.Т.), из икон у бани ставенки делали»*) и неизменно следующий за ним мотив неизбежного наказания (*все "пропали"/ почти нишши стали, больные / всех потянуло их*).

В анализируемых рассказах старообрядцев-семейских, содержащих мотив раскола (этот мотив возникает прежде всего с прагматической целью – объяснить причину появления в Забайкалье семейских), выявлены оппозиции «свое – чужое», «старое – новое». Ценностные ориентиры рассказчиков направлены на «свое/старое», на соблюдение религиозных и бытовых традиций своих предков. Во всем цикле рассказов старообрядцев-семейских оппозиции «свое – чужое», «старое – новое» выходят на новый уровень противостояния – «старообрядчество – новообрядчество». В фольклорных текстах эта оппозиция проявляется на уровне соблюдения/несоблюдения религиозных, а также морально-этических норм: старообрядцы соблюдают/соблюдали раньше – новообрядцы не соблюдают.

Дальнейший анализ преданий и устных рассказов старообрядцев показал, что наряду с древлеправославием основными составляющими ценностных ориентаций семейских являются труд, трудовая этика и прочные семейные устои. В рассказах современных старообрядцев трудности, испытываемые их предками при освоении новых земель, воплотились в устойчивый мотив трудностей освоения новой территории и описании семейских как трудолюбивых, работающих, смекалистых: *«Вот переселялись, сюда заселялись семья'ми-то, которы вот самые таки трудолюбивые люди. Это же усё леса были. Корчевали <...> корчевали вручную. Щас молодежь некоторые и техникой не хотят работать, а это корчевали руками, а потом разрабатывали. Пашины сеяли»* (зап. от Болонева С.Х.). Что касается семьи, семейных устоев, то в рассказах старообрядцев присутствует ориентир на старинные семейные устои, но присутствует также и констатация того, что сегодня эти устои порушены. Раньше семейные устои старообрядцев были очень крепки, поскольку регламентировались не светскими, а религиозными нормами: браки заключались чаще всего между представителями своей конфессии и родственные связи между женихом и невестой отслеживались до седьмого колена; разводы запрещались (о них даже не помышлялось); детей рожали столько, «сколько Бог пошлет»; старики обязательно доживали свою жизнь с кем-нибудь из детей, чаще всего с младшими. Спецификой современных рассказов старообрядцев об их семейном укладе является указание на то,

что сегодня многие семейные устои и традиции (из перечисленных выше практически все) остались в прошлом, поэтому прошлое идеализируется, современность воспринимается со знаком «минус».

Как показал анализ, в исторических рассказах старообрядцев отразились базовые жизненные ценности, определяющие основу бытия этой самобытной этноконфессиональной группы русского населения Бурятии. Установлено, что сегодня жизнь старообрядческой общины вновь, пусть медленно, но начинает осознаваться прежде всего через древлеправославие, определяющее религиозно-церковную, общинную и бытовую жизнь людей.

В целом, историческая проза старообрядцев Забайкалья является одной из важнейших форм выражения общественно-исторического сознания субэтноса – отдельной этноконфессиональной группы русского этноса. Предания и устные рассказы семейских выполняют функцию межпоколенной передачи этнически важной информации и в то же время являются формой оценки старообрядцами себя и своего прошлого и настоящего.

В четвертой главе **«Прагматика и семантика устных рассказов русских старожилов Бурятии о праздновании календарных праздников: культурная память, рецепция ритуала»** анализируются устные рассказы-воспоминания о праздновании Рождества, Святков и Масленицы как образцы этнической специфичности русских, сохраняющейся в условиях более чем трехсотлетнего иноэтнического окружения. Устные рассказы-воспоминания о календарных праздниках рассматриваются в работе как образцы «стратегии выживания культурной идентичности» (Ян Ассман) в иноэтническом окружении, что в этом смысле ставит их в один ряд с исторической прозой. В семантическое поле вопросов «Что помнят? Почему помнят?» попадают и рассказы о народном календаре, являющиеся способом трансляции ценностно-смыслового мира культурной памяти, зафиксированной в ритуалах и обычаях народных календарных праздников. Устные рассказы о праздновании народного календаря являются историческими (в широком смысле) свидетельствами жизни русских переселенцев в новых условиях. В главе автор отталкивается от мысли, что интересующие сегодня общество этнические стереотипы, а следовательно и этническая традиция, наиболее ярко проявляются в календарно-обрядовых праздниках. В работе делается акцент на том, что основой прагматики устных рассказов о народном календаре является то, что это рассказы-воспоминания, поскольку существовавший в той или иной локальной традиции обрядово-ритуальный комплекс народных календарных праздников сегодня можно восстановить только благодаря воспоминаниям местных жителей¹. Именно это сближает рассказы о праздновании народного календаря с таким жанром фольклора, как предания, ибо

---

¹ Если, конечно, он не был зафиксирован ранее собирателями в письменном виде. В Бурятии по отношению к народному календарю русских старожилов этого сделано не было.

предания – это также всегда воспоминания о прошлом, «воскрешённое прошлое», по Ассману. На материале устных рассказов-воспоминаний о календарных праздниках прошлого, записанных в старожильческих селах Бурятии в начале XXI века, реконструируется и исследуется система традиционной рождественско-святочной и масленичной обрядности русского старожилого населения, а также прослеживается современное бытование традиции празднования зимних календарных праздников и рецепция входящих в их структуру ритуалов русскими старожилами Бурятии.

В первом разделе **«Устные рассказы-воспоминания о праздновании Святков: семантика и прагматика текстов»** на основе анализа устных рассказов-воспоминаний о праздновании Рождества и Святков устанавливается система мотивов, содержащих в своей структуре обрядово-ритуальные действия, сопровождающие эти праздники, выявляется функционально-прагматическое назначение текстов.

Русское старожильческое население и по сей день сохраняет в своей памяти локальное содержание традиционных обрядовых действий, связанных с зимним народным календарем. Подобная сохранность определяется прагматикой ритуалов, обеспечивающих повторяемость природных и жизненных циклов. Мощный прагматический заряд ритуалов обуславливает и прагматику текстов о них. Согласно рассказам, еще в довоенное время в русских старожильческих селах Бурятии на Рождество была распространена традиция христославия, а также колядования: *«Да, ходили славили ребята по соседям. Пели тама-ка, молитву каку-нить читали»* (зап. от Крыловой Е.Н.); *«Ну, поздравят с праздником, скажут "Рождество Христово", читают: "Рождество твое, Христе Боже нас. Воссияй миру и свет разуму. Я чаху, чаху небу кланяюся" - больше я не знаю. Забыла все»* (зап. от Федотовой А.М.). Мотив колядования встречается в большинстве рассказов о праздновании Рождества и Святков: *«А где пели, под окнами или в избе? – соб.). В избу, в избу, в избу. В избе уже, в избе славили, просили вот это, славили. А раньше же стряпали вот эти тарки, тарки. Пирожки и тарки. Значит, "Не дадишь мне тарку, выведу я ярку (овцу, ярку). Не дадишь мне пирожок, я унесу быка за рожок". Вот это всё приговаривали. Вот тебе подадут... пирожок подадут и тарку подадут»* (зап. от Бросевой В.Д.). Из рассказов-воспоминаний установлено, что у русских в Бурятии до недавнего времени на Святки выделялась известная структура обходных магических обрядов: посещение домов (а) с определенной ритуальной целью (б) и получение даров от хозяев дома (в)¹. Констатируется, что сегодня христославия и коляды/колядки, которые исполнялись во время святочных обходов домов, практически забыты, и поэтому каждый записанный текст или даже его фрагмент имеет научную ценность, определяя состояние

---

¹ Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. – М.: Изд-во «Наука», 1982, с. 21.

календарно-обрядового комплекса в прошлом и в настоящем по принципу *было/есть* или *было/исчезло*.

Из рассказов современных информантов установлено, что и раньше и теперь в старожильческих селах Бурятии самое активное участие в праздновании Святков принимали/принимают дети. Две девочки из с. Читкан Баргузинского района рассказали, как на Рождество колядуют: *«Ночью одеваемся всяко разное. Лицо мажем сажеей или красками. На волосы что-нибудь одеваем, платки завязываем, юбки длинные, валенки, шубы на левую сторону одеваем и ходим по улицам. И заходим в дом, начинаем песни петь, частушки»* (зап. от Лапшиной Вали, 12 лет, Дыхненко Любы, 8 лет). По свидетельству самих детей, вместо колядок сегодня они исполняют известные им песни, частушки. Однако в работе приводится текст колядки, довольно распространенной на западе России (*Коляда-колядин // Я у бабушки один*), которую воспроизвела одиннадцатилетняя девочка и которую она, по ее словам, восприняла от бабушки, что также свидетельствует о наличии традиции колядования в данном селе.

В работе показано, что одним из структурных компонентов святочных действ, согласно рассказам-воспоминаниям, являлось ряженье, в Сибири называемое "машкарадом". Анализ устных рассказов показал, что в старожильческих селах во время празднования Святков при создании ряженого персонажа прослеживаются следующие противопоставления: 1) по гендерному признаку: девочки и девушки рядились в "парнишек" и наоборот (травестизм); 2) по возрастному признаку: молодежь рядилась в "старух" и "стариков"; 3) по признаку «человек – мифологическое/сказочное существо»: "Баба Яга", "колдун"; 4) по признаку «человек – животное/птица»: "конь", "медведь", "лиса", "петух"; 5) по этнической принадлежности (русские – нерусские): "цыгане".

Также показано, что у русских старожилков важнейшим обрядовым действием Святков являлось гадание с целью узнать будущее: самым распространенным и доступным видом гадания было бросание обуви через забор; распространены были гадания с петухом/курицей; "замыкание ведер" (*«на замок замкнешь два вместе ведра (на колодце. – Е.Т.). Замкнешь, ключ, значит, под подушку. И снится, какой суженый-ряженный, значит, придет к тебе ключи просить коня напоить, воды взять. Вот. Какой придет ключикто просить коня напоить ведром, вот тот твой и жених будет»* (зап. от Бросевой В.Д.)); гадание на росстани (на перекрестке дорог). Заключительным аккордом святочных действ являлось обязательное омовение "святой" водой на Крещение Господне, что "очищало" контактирующих с "нечистой" силой людей.

Анализ устных рассказов-воспоминаний о праздновании Рождества и Святков русскими старожилками, выделение основных мотивов в этих рассказах позволяют сделать вывод, что до середины XX века рождественско-святочный комплекс у русских старожилков Бурятии был представлен достаточно полно. Однако сегодня наблюдается лишь

фрагментарное бытование зимних календарных праздников. Ушло в прошлое религиозно-магическое содержание многих ритуалов, связанных с народным календарем. Обрядовые действия эволюционируют в сторону развлекательно-игровых мероприятий. Рецепцию святочных ритуалов можно выразить словами информанта: *«Весело было. Весело, друг, ране было вот это все (Речь идет о праздновании святок. – Е.Т.). Теперь этого ничего нету. Пришло бы, может, дети бы лучше были. Занимались, хоть чо-то делали. Теперь... одна ходьба. Ходят по улице без дела»* (зап. от Крыловой Е.Н.).

Во втором разделе **«Масленичный комплекс в рассказах русских старожилов»** рассматриваются устные рассказы-воспоминания о праздновании русскими старожилами Масленицы, выделяются основные мотивы нарративов, выявляется рецепция масленичных ритуалов.

Основные составляющие характеристики Масленицы (в забайкальских селах ее часто называют Масленка, Маслена) как праздника в народных рассказах – это веселье и обильное угощение. *«Масленица – веселый праздник. Ой, сёдни веселье! Масленица, веселье, вот и все. Вот это слово хорошо помню. Нам лишь бы на конях накататься хорошо, да и все. Блинов наестись»* (зап. от Тихоновой А.Н.). Главным символом праздника Масленица, его обязательнейшим атрибутивным компонентом и сегодня у русских сибиряков являются блины. Без упоминания о том, что на Масленицу обязательно пекли блины, не обходится ни один устный рассказ. Более того, утверждается, что *«это уже не праздник, если блинов-то нет»*. В работе констатируется, что у русских старожилов Бурятии аграрно-производящий и апотропеический ритуал поминовения блинами усопших на Масленицу с целью задобрить их, испросить хороший урожай и защиту трансформировался в простой обычай печь блины на праздник. На вопрос *«Зачем?»* чаще всего прагматически отвечают *«Так надо. Все пекут»*.

Поскольку масленичная неделя являлась последней перед Великим Постом, в устных рассказах отмечена информация об обилии пищи на столах, об обязательном употреблении в пищу молочных продуктов – молока, сметаны, творога, масла, а также рыбы. Прямых свидетельств того, что в Бурятии русские на масленичной неделе не ели мясо не получено. Однако при перечислении блюд, которые употреблялись в пищу на Масленицу, мясо не фигурирует: *«На Масленку рыбу да блины»* (зап. от Черных М.Д.); *«На Масленицу рыба в любом виде была всегда на столе, рыба. Это в первую очередь, рыба»* (зап. от Тихоновой А.Н.). В разделе приводятся свидетельства того, что во многих сибирских регионах мясо на Масленицу было под запретом, под запретом оно было и у старообрядцев-семейских Бурятии.

Как и в других регионах, одним из главных символов праздника в русских селах Бурятии являлось масленичное чучело – соломенная или сооруженная из тряпок кукла женского пола, обязательно с прорисованным лицом, одетая в русский сарафан. Сегодня Масленицу могут наряжать в

«блuzu, юбку, платочек». Масленицу в Бурятии сжигают, семантика данного ритуала утрачена.

Из рассказов жителей русских сел Бурятии установлено, что самыми популярными масленичными развлечениями являлись катание на лошадях («*Ой, катались, а как же, катались! Эту, тройку-то запрягут. Всю её разукрасят, девки-то молоды, всю ее разукрасят. Вся в этих, в бубенцах, в лентах. Парни разоденутся, девки. Ой, красиво!*») (зап. от Бросевой В.Д.) и катание на шкурах («*На веревке за лошадь, и на этих шкурах катались на Масленку*») (зап. от Коневина М.И.), а также катание на лотках/санях с гор. В разделе показано, что когда-то все это имело ритуальный характер и сакральную семантику, но сегодня носит развлекательный характер.

В рассказах-воспоминаниях о праздновании Масленицы упоминается и масленичный костер, который устраивался вечером (как известно из этнографической литературы – в Прощеное воскресенье). Выявлено, что сегодня масленичный костер – это обычай, утративший свое магическое звучание. Но семантика соборности в рассказе присутствует: «*Чтобы больше народу приходило. Увидят этот костер, и все на этот костер все идут*» (зап. от Тихоновой А.Н.).

Устные рассказы сельских старожилов о праздновании Масленицы содержат в своей структуре и мотив просьбы прощения в последний день масленичной недели: «*Вот ходят прощения просят, что вот чо я нагрешила, чо я сделала, тебе плохого чо я сделала, ты меня прости. Если добрый человек, он тебя простит, а худой еще выгонит*» (зап. от Бросевой В.Д.).

Рассказы о том, как раньше праздновалась Масленица и как сегодня воспринимается этот праздник, сопровождаются указанием на то, насколько это весело и хорошо. Рецепция масленичных празднеств оптимистична по своей сути: «*Не зря говорят – Широкая Масленица. Отмечают ее очень широко, красиво! Это большой праздник*» (зап. от Маркеевой Н.В.); «*Маслену тоже встречали хорошо. <...> с гармошкой, вот, вообще было хорошо. Праздники, мой друг, хорошо отмечали*» (зап. от Крыловой Е.Н.). Наблюдение над устными рассказами о праздновании Масленицы в русских селах Бурятии показало, что с деритуализацией праздника его эстетический, нравственный, эмоциональный заряд не исчезает.

В результате анализа рассказов-воспоминаний о праздновании Рождества, Святков и Масленицы делается вывод, что русское население Бурятии еще до середины XX века строго соблюдало обычаи и исполняло обряды, связанные с народным календарем. Это способствовало сохранению национальной идентичности в условиях иноэтнического окружения. Память о народном календаре, о ритуалах, ему сопутствующих, является, по существу, культурной памятью этноса.

В заключении подводятся итоги и формулируются основные выводы исследования.

Локальные репертуары преданий сибирских старожилов формировались под воздействием конкретно-исторических обстоятельств, наиболее значимым из которых было заселение и освоение русскими сибирского региона. Соответственно, самой заметной и лучше сохранившейся оказывается группа преданий о заселении и освоении русскими Восточной Сибири: об основании сел и деревень; о первопоселенцах; о строительстве сакральных и важных профанных сооружений; о названиях населенных пунктов и географических объектов; о заметных событиях и лицах местной истории. Идеологически тесно связаны с преданиями этой тематики и не менее важны для этнической группы, осознающей свое место в новом демографическом окружении, рассказы об исчезнувших с данной территории автохтонных народах (баргутах), о происхождении бурятских родов, о межэтнических контактах русских старожилов и бурят. Значительная часть преданий, зафиксированных в Байкальском регионе, территориально локализована, так как, отображая «местную историю», только для этой местности и бывает актуальна. Экскурсы же в область «общесибирской истории» носят спорадический характер и очень лаконичны.

Конкретно-историческим субстратом преданий, составляющих сюжетно-тематический цикл о заселении и освоении края (включая в него тематические группы об исчезнувших с конкретной территории древних народах и об отношениях с автохтонным населением) явился процесс освоения сибирского региона. Масштабность и значимость самого явления послужили толчком к возникновению и бытованию преданий, рассказывающих о том, как шло заселение и освоение Сибири, кто были первыми засельщиками края, с какими трудностями пришлось им столкнуться; кто населял данную территорию до прихода на нее русских поселенцев; какие отношения складывались у русских первопоселенцев с аборигенами края. Показательно, что при всей исторической неоднозначности этих отношений для соответствующей группы преданий характерно довлечение идеи комплиментарных отношений между русскими и бурятами во всех сферах жизни: хозяйственно-бытовой, семейной, религиозной, а предания о каких-либо конфликтах находятся на периферии исторического сознания русских старожилов.

Признается, что традиция, принесенная русскими переселенцами из мест миграционного исхода, двойственна. Сохраняются традиционные сюжеты и мотивы, известные и материнской традиции. В то же время, первым русским в Сибири в качестве достоверных пришлось изображать новые, не свойственные материнской традиции конкретно-исторические реалии. Таковы прежде всего предания о баргутах и их самопогребении. Миграция исторически достоверного монголоязычного племени баргутов на территорию современной КНР была осмыслена в рамках традиционной схемы об аборигенах края, совершивших самопогребение при первых признаках появления нового "белого" народа.

Несколько по-особому протекает современная жизнь исторических преданий в среде старообрядцев (семейских). Для этой этноконфессиональной группы характерно обостренное сознание своей конфессиональной выделенности из "русского" этноса, чем и обуславливается заметно больший интерес людей к истории своей группы и устной истории в том числе. Старообрядцы в большой мере дистанцировались от институтов Российской государственности и русской православной церкви Московского патриархата. Этим поддерживался живой интерес ко временам протопопы Аввакума и Екатерины II и соответствующим преданиям. Анализ устных народных рассказов семейских о своем прошлом, с реминисцентными оценочными высказываниями информантов по поводу прошлого и настоящего старообрядчества позволил выявить локализацию ценностных систем вокруг трех основных культурных концептов – это древлеправославная вера, трудовая этика, семейные устои. Ориентируясь на дониконовские церковные традиции своих предков, ставя во главу угла труд и семейные ценности, старообрядцы Забайкалья долгое время сохраняли основные элементы базовой русской православной культуры. Сегодня эта система разрушена, но современные старообрядцы все чаще обращаются к вере своих предков.

Предпринятый в работе анализ конкретных текстов преданий о заселении и освоении русскими земель вокруг Байкала позволил сделать некоторые общие выводы относительно их прагматики, реализации повествовательной системы этих преданий, их сюжетобразующих элементов, основными из которых являются персонажи. В работе устанавливается, что основополагающим принципом при создании образа-персонажа в предании является осмысление персонажа как исторически реального лица. Стадиально разные персонажи (например, баргут и конкретный предок-первопоселенец) обладают различным набором мифологем, определяющих, является ли этот персонаж мифологическим или в нем доминирует реалистическая семантика. Для образов баргутов характерны огромные размеры (о чем можно судить по их костным останкам), волосатость и чернота; свидетельство их реального существования – так называемые «Баргутские каналы» (остатки ирригационных каналов) и другие «следы»: кости; ямы, сараи, шалаши для самопогребения; мельница; колодец; кресты; орудия труда (топоры, ножи, наковальни); предметы конской упряжи; сережки, браслет; подкова. Герои преданий о первопоселенцах – это, напротив, реальные, часто действительно существовавшие люди. Они социально детерминированы, раскрываются во взаимоотношениях с другими людьми, которые также изображаются в социальном аспекте.

Оказавшись в середине XVII века на окраине Российской империи, в иноэтническом окружении, русские не только бережно сохраняли фольклор, принесенный из мест исхода, но и в силу определенных обстоятельств

создавали новые фольклорные тексты, которые выполняли прежде всего прагматическую функцию. Такими текстами, имеющими для людей, осваивающих новые территории, прикладное значение, стали топонимические предания: они являлись для русских поселенцев некой системой координат на новых, пока еще незнакомых территориях. Вполне закономерно поэтому, что большую группу преданий, записанных от русских старожилов Байкальского региона, составляют предания, содержащие в своей структуре топонимический мотив. Эти предания имеют весьма существенное значение, объясняя происхождение названий населенных пунктов и географических объектов Забайкалья, являясь при этом способом хранения и передачи во времени и пространстве архиважной этноисторической, этнокультурной информации. Топонимическую систему конкретной местности можно рассматривать как своеобразный тезаурус топонимических преданий и других жанров фольклора, содержащих в своей структуре *toponymic motif*. Как любой фольклорный текст, предания с топонимическими мотивами послужили источником изучения языковой картины мира русских сибиряков.

Общепризнанно, что жанрообразующим для предания выступает принцип достоверности. В связи с этим предания рассматривались в работе как произведения исторического фольклора, в основе прагматики которых лежит установка на достоверность сообщаемого. Народные предания отражают события, которые действительно имели или могли иметь место в истории. В работе отмечается, что связь жанра преданий с историей, с исторической действительностью не прямая, а опосредованная. Воззрения народа на события истории преломляются сквозь призму «фольклорного сознания», которое, по Б.Н. Путилову, «обладает относительной самостоятельностью и не совпадает с общим мировоззрением в своей структуре и в характере моделирования объективной действительности». Принцип историзма в преданиях, таким образом, рассматривается как диалектическая связь между фольклорным произведением и жизнью общества. Историзм жанра преданий представляет собой синкретическое единство действительных исторических событий и художественного вымысла. Единство отражательного/концептуального и творческого/художественного образует художественное моделирование действительности, которая предстает в народных произведениях, и диалектически соотносится с объективной реальностью. Ретроспективное отражение реального мира в его значительных проявлениях является имманентным свойством жанра преданий.

Исследование специфики преданий предпринято посредством конкретного анализа семантики и прагматики преданий, выявления их структурообразующих элементов. Такими элементами являются мотивы. Предания о заселении и освоении края, таким образом, рассматриваются с точки зрения структурирующих их мотивов, что дает возможность более глубокого проникновения в морфологию исследуемых произведений.

Сюжетообразующими в преданиях о первопоселенцах признаются пять основных мотивов: 1. основание селения одним первопоселенцем; 2. основание селения двумя/тремя братьями; 3. основание селения двумя/тремя первопоселенцами, не связанными родством (соседями); 4. основание селений этноконфессиональной группой (старообрядцами); 5. основание селений разнородными по конфессиональной принадлежности группами людей (не связаны между собой какими-либо отношениями).

Особое значение с точки зрения прагматики в повествовательной системе предания имеет место действия. Оно предельно локализовано, так как часто служит доказательством истинности рассказа. С другой стороны, указание конкретных мест действия, географических объектов и т.д. в предании является проявлением исторической основы произведения. Фольклорное пространство в преданиях о заселении и освоении края обладает такими качествами, как относительная открытость и дискретность.

Время действия в предании не имеет такого большого значения, как место действия. Предание – это всегда рассказ о прошлом, события которого давно закончились, они не продолжаются и не повторяются, поэтому датировки в преданиях не столь важны и их отсутствие не снижает достоверности повествования. Как и фольклорное пространство, фольклорное сюжетно-событийное время обладает открытостью и дискретностью. Единство пространства-времени, хронотопичность образов преданий о заселении и освоении Восточной Сибири организуют пространственно-временной континуум в исследуемых текстах преданий.

Проблема изучения календарных праздников на современном этапе заключается в том, что исконный сакральный смысл большинства обрядовых действий либо забыт (но может быть активирован вопросами собирателя), либо утрачен безвозвратно для носителей традиции. Поэтому сегодня архиважна актуализация пассивных элементов локальной традиции. Актуализация традиции возможна при условии сохранения в памяти ее носителей хотя бы фрагментов этой традиции. Такие фрагменты фиксируются в устных рассказах о том, как раньше отмечали тот или иной календарный праздник и как это происходит сегодня. На материале устных рассказов-воспоминаний о календарных праздниках прошлого, записанных в старожильческих селах Бурятии в начале XXI века, по возможности реконструирована и исследована система традиционной святочной и масленичной обрядности русского старожилого населения, а также представлено современное бытование традиции празднования русскими старожилками Бурятии Святков и Масленицы как наиболее полно сохранившихся праздничных комплексов.

Ритуал, как явление изоморфное, содержит в себе ориентацию на прошлое, которое всегда осмысливается народной традицией как идеал, как благо, как более совершенная форма существования. Во всех рассказах о календарных праздниках лейтмотивом звучит мысль о том, что раньше жизнь была лучше, правильнее, веселее, потому что верили в Бога, боялись

Бога, соблюдали обычаи и обряды, исполняли связанные с ними ритуалы, что упорядочивало жизнь, делало ее понятной и предсказуемой – так проявляется рецепция святочных и масленичных ритуалов. Соответственно, современное состояние календарно-обрядового комплекса определяется по принципу *было/есть* или *было/исчезло*.

Память сибиряков-старожилов сохранила мифологическую мировоззренческую систему. Так, в воспоминаниях о создании ряженого персонажа (на Святки) актуализируются противопоставления атрибутов ряженого по гендеру, по возрасту, по оппозициям человек vs мифологическое/сказочное существо, человек vs не человек (животное/птица), этнически свой (русский) vs этнически чужой (нерусский). Каждая крестьянская семья и деревенская община в целом, члены которой были хорошо знакомы друг с другом, осмыслились как "свои", ряженные же воспринимались как пришельцы из "иного" мира и, следовательно, осмыслились как "чужие". В преданиях о календарных праздниках устойчивы и воспоминания о ритуальных предметах, действиях и блюдах, обязательных для праздничной трапезы.

Таким образом, фольклорные материалы показывают, что святочный и масленичный комплексы прежде являли собой ритуально-обрядовую систему, имевшую карпогоническую и апотропеическую направленность. Однако магические функции традиционных ритуалов и обрядов сегодня рассказчиками не осознаются, в рассказах присутствует только внешняя сторона святочного и масленичного комплекса обрядов, без углубления в их семантику, соответственно, меняется и прагматика текстов. Рассказчики воспринимают атрибутивную и акциональную стороны Святков и Масленицы скорее как обычай или игру. Святочный фольклор в устных рассказах-воспоминаниях представлен христославиями и колядками, а также присловиями во время гадания. Масленичный фольклор (масленичные обрядовые песни встречи и проводов Масленицы, присловья, приговоры) в устных рассказах о праздновании Масленицы, записанных в начале XXI века в старожильческих селах Бурятии, вообще не представлен.

В целом, соблюдение народного календаря (а сегодня хотя бы фрагментарная память) способствовало сохранению национальной идентичности в условиях иноэтнического окружения. На современном этапе память о народном календаре, о ритуалах, ему сопутствующих, является, по существу, культурной памятью этноса.

Важно, что свою состоятельность показал прагматический аспект исследования, при котором основным объектом исследования является фольклорный текст, порождаемый в определенной коммуникативной ситуации и содержащий историческое/мифологическое знание, закрепленное в определенных способах выражения – фольклорных жанрах.

В Приложении публикуются тексты преданий о заселении и освоении края и устных рассказов-воспоминаний о праздновании русскими старожилами Бурятии календарных праздников (Рождества, Святков и

Масленицы), указатель сюжетов/мотивов преданий русского населения Байкальского региона о заселении и освоении края, указатели мест записи преданий, имен исполнителей, имен собирателей, персонажей (имен собственных и прозвищ) преданий о заселении и освоении края, географических названий, встречающихся в цикле преданий о заселении и освоении края.

Основные публикации автора по теме исследования

Статьи, опубликованные в журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК:

1. Тихонова Е.Л. Художественное пространство и время в преданиях о заселении и освоении русскими Восточной Сибири // Вестник Бурятского университета. Сер. 6: Филология. Вып. 6.– Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2003. – С. 95-104 (0,7 п.л.).

2. Тихонова Е.Л. Типы топонимических номинаций в русских преданиях Забайкалья (к вопросу о внутрижанровой классификации) // Вестник Бурятского университета. Сер. 6: Филология. Вып. 10. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. – С. 117-127 (0,8 п.л.).

3. Тихонова Е.Л. Отражение концепции древлеправославия в устной исторической прозе старообрядцев Забайкалья (семейских) // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. Научное издание. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2008. – С. 12-19 (0,5 п.л.).

4. Тихонова Е.Л. Народные рассказы старообрядцев Бурятии о хозяйственных взаимоотношениях семейских и бурят // Вестник Бурятского университета: Вып. 10. Филология. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2009. – С. 270-276 (0,5 п.л.).

5. Тихонова Е.Л. Ремотивация географических именовании в фольклорных текстах // Вестник Бурятского университета: Вып. 10. Филология. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – С. 263-267 (0,5 п.л.).

6. Тихонова Е.Л. Русские предания о баргутах в записях второй половины XX- начала XXI вв. // Традиционная культура. Научный альманах. – М., 2011. – Вып. 1 (41). – С. 120-126 (0,5 п.л.).

7. Тихонова Е.Л. «Коммуникативное и культурное воскрешение прошлого» как основная функция исторических преданий // Вестник Бурятского университета: Вып. 10. Филология. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. – С. 184-188 (0,5 п.л.).

8. Тихонова Е.Л. Жизнь как сказка (Р.П. Матвеевой – 75) // Традиционная культура. Научный альманах. – М., 2013. – Вып. 1 (49). – С. 179-182 (0,3 п.л.).

9. Тихонова Е.Л. Топоним как информационный языковой код в фольклорной исторической прозе // Вестник Бурятского университета: Вып. 10. Филология. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. – С. 180-183 (0,4 п.л.).

10. Тихонова Е.Л. Масленичный комплекс в русской традиционной культуре старожилов Западного Забайкалья // Вестник Бурятского государственного университета: Выпуск Филология. 10/2014. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. – С. 228-233 (0,5 п.л.).

11. Тихонова Е.Л. Русская народная историческая проза: миф vs. История // Вестник Бурятского государственного университета. Выпуск Филология. 10/2014. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. – С. 98-101 (0,4 п.л.).

12. Тихонова Е.Л. 250 лет на земле Бурятии: предания и устные рассказы старообрядцев-семейских как отражение субэтнической общности // Вестник Бурятского государственного университета. Выпуск Филология. 10/2015. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. – С. 190-193 (0,4 п.л.).

13. Тихонова Е.Л. Топонимическая номинация как ориентир в коммуникативном пространстве (на примере фольклорной прозы) // Вестник Бурятского государственного университета. 2016/2 Филология. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2016. – С. 223-230 (0,6 п.л.).

14. Тихонова Е.Л. Между двух культур: Кляус В.Л. «Русское Трехречье Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры». М.: ИМЛИ, 2015. 384 с. // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2016, том 75, № 5. – М., 2016. – С. 75-79 (0,5 п.л.) (в соавт с Матвеевой Р.П., Игумновым А.Г.).

15. Тихонова Е.Л. Устные рассказы русских старожилов Бурятии о праздновании Рождества и Святков // Вестник Бурятского государственного университета. 2017/3 Филология. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2017. – С. 215-223 (0,6 п.л.).

16. Тихонова Е.Л. Прагматика имен собственных в преданиях и устных рассказах русских старожилов Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. 2017/6 Филология. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2017. – С. 222-227 (0,5 п.л.).

Монографии:

17. Тихонова Е.Л. Русские предания Восточной Сибири о заселении и освоении края. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 220 с.

18. Тихонова Е.Л. Традиционный фольклор старообрядцев Бурятии (семейских) в современном бытовании (по материалам полевых исследований конца XX – начала XXI вв.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 316 с.; цв. ил. (в соавт. с Матвеевой Р.П., Матвеевой Т.И., Мироновой Н.А., Кушнаревой Л.Л.).

19. Тихонова Е.Л. Локальные варианты фольклорной традиции русских старожилов Бурятии. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. – 300 с. (в соавт. с Игумновым А.Г., Матвеевой Р.П., Шевелевой Л.А.).

Статьи и тезисы:

20. Тихонова Е.Л. Сибирские предания о баргутах и чуди // Русский фольклор и фольклористика Сибири (Тезисы докладов...). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1994. – С. 14-16.

21. Тихонова Е.Л. Принцип достоверности как организующее начало повествовательной системы русских преданий (на материале фольклора Забайкалья) // Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. – С. 189-197.

22. Тихонова Е.Л. Образ первопоселенца в русских преданиях о заселении и освоении Забайкалья // Русский фольклор Сибири. Художественный образ (Исследования и материалы). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – С. 47-52.

23. Тихонова Е.Л. Несказочная проза Баргузинской долины // Русский фольклор Сибири. Художественный образ (Исследования и материалы). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – С. 110-114.

24. Тихонова Е.Л. Сюжеты и мотивы бурятских генеалогических преданий в репертуаре русского населения Забайкалья // Традиционный фольклор в полиэтнических странах. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 1998. – С. 45-48.

25. Тихонова Е.Л. Русские предания об исчезнувших народах Забайкалья // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 132-135.

26. Тихонова Е.Л. Категория времени в русских преданиях о заселении и освоении Восточной Сибири // Время и календарь в традиционной культуре: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Серия «Мир культуры, истории и философии»). – СПб.: Изд-во «Лань», 1999. – С. 193-196.

27. Тихонова Е.Л. Повествовательная система русских преданий Восточной Сибири о заселении и освоении края (XX век). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 24 с.

28. Тихонова Е.Л. Топонимический мотив в структуре преданий о заселении русскими Восточной Сибири // Народная культура Сибири. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – С. 116-119.

29. Тихонова Е.Л. Предания старообрядцев (семейских) Забайкалья о заселении края // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – С. 179-184.

30. Тихонова Е.Л. Мотив выбора места для строительства церкви в русских преданиях Забайкалья о заселении края // Культуры народов Сибири: Материалы III Международного научного симпозиума. Т.1. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2001. – С. 228-234.

31. Тихонова Е.Л. Забайкальские варианты предания на сюжет об основании монахами поселений // Народная культура Сибири. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – С. 132-135.

32. Тихонова Е.Л. Русские народные предания о заселении Восточной Сибири // Народы Бурятии в составе России: от противостояния к согласию (300 лет Указу Петра I), часть II. – Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2001. – С. 31-37.

33. Тихонова Е.Л. Об одном бурятском топониме в русской фольклорной традиции Тунки // Мир Центральной Азии. Т. IV. Ч. II. Языки. Фольклор. Литература. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – С. 134-140.

34. Тихонова Е.Л. Предания в контексте русской фольклорной традиции Забайкалья // Этнокультурное образование: совершенствование подготовки специалистов в области традиционных культур. Том II. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2003. – С. 102-108.

35. Тихонова Е.Л. Л.Е. Элиасов – собиратель и исследователь русских народных преданий Сибири // Традиции и современные процессы в фольклоре и литературе. В 2-х частях. Ч. 1, 2. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – С. 116-124.

36. Тихонова Е.Л. Забайкальский вариант мотива неузнанности в русской исторической прозе о «справедливом царе» // Актуальные проблемы монголоведения (Санжеевские чтения-6). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – С. 161-163.

37. Тихонова Е.Л. Отражение этноконфессиональных ценностных ориентаций в современной исторической прозе старообрядцев Забайкалья (семейских) // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. – С. 423-431.

38. Тихонова Е.Л. Мотив "запрета на общение с иноверными в еде и питье" в рассказах современных старообрядцев Забайкалья // Старообрядчество: история, культура, современность. – М., 2007. – С. 265-272.

39. Тихонова Е.Л. Мифологические предания о Буха-Нойоне в русской фольклорной традиции Забайкалья // Мир Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – С. 211-212.

40. Тихонова Е.Л. Межэтнические контакты семейских и бурят в преданиях и устных рассказах современных старообрядцев Забайкалья // История и культура народов Центральной Азии: наследие и современность. Ч. 2. Этнография, религиоведение, язык, фольклор и литература: Сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – С. 130-136.

41. Тихонова Е.Л. Функциональное назначение топонимов в фольклорном тексте (на примере русских преданий Забайкалья) // Этнокультурное и фольклорное наследие монгольских народов в контексте

истории и современности. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – С. 97-100.

42. Тихонова Е.Л. Мотивы бурятских мифологических преданий в русской фольклорной традиции Западного Забайкалья // Мир Центральной Азии-2: Сборник научных статей. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – С. 354-358.

43. Тихонова Е.Л. Предания Баргузинской долины о баргутах: современные записи // Гомбожаб Цыбиков – выдающийся ученый и путешественник: Сб. науч. ст. Вып. 2. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – С. 189-195.

44. Тихонова Е.Л. Топоним как особый языковой знак в фольклоре // Имя. Социум. Культура. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. – С. 219-221.

45. Тихонова Е.Л. Предания бурят в репертуаре русского населения Байкальского региона // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. № 2 (58) 2008. – С. 38-41.

46. Тихонова Е.Л. Празднование святок в русских старожильческих селах Забайкалья // Культурное наследие народов Центральной Азии. Полевые исследования-2008. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 69-80.

47. Тихонова Е.Л. Этноконфессиональная ситуация в с. Хасурта Хоринского района РБ (на примере преданий и устных рассказов) // Сибирь и Россия: освоение, развитие, перспективы. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2009. – С. 92-94.

48. Тихонова Е.Л. Историческая проза семейских: взгляд на свое прошлое и настоящее // Старообрядчество: история, культура, современность. – М., 2010. – С. 266-273.

49. Тихонова Е.Л. Топонимические предания: ономастическая картина мира // От Конгресса к Конгрессу. Мат-лы II Всероссийского Конгресса фольклористов. Сборник докладов. Т. 1. М.: ГРЦРФ, 2010. – С. 208-218.

50. Тихонова Е.Л. Отражение этнокультурного взаимодействия русских и бурят в фольклоре старообрядцев Западного Забайкалья // Сибирский сборник-3. Народы Евразии в составе двух империй: Монгольской и Российской. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – С. 246-255.

51. Тихонова Е.Л. Народная повествовательная культура русского населения Восточной Сибири: проблема межэтнического взаимодействия // Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций: к 350-летию присоединения Бурятии к России. Сборник научных статей. – Улан-Удэ; Иркутск: Отгиск, 2011. – С. 505-510.

52. Тихонова Е.Л. Русские предания Восточной Сибири: глубина и содержание исторической памяти // Фольклор и современная культура. – Минск: Изд-во Белорусского госуниверситета, 2011. – С. 52-54.

53. Тихонова Е.Л. «Устная история» одного старообрядческого села (на примере преданий и устных рассказов жителей села Хасурта Республики

Бурятия)» // Старообрядчество: история, культура, современность. – М., 2011. – С. 373-382.

54. Тихонова Е.Л. К вопросу о языковой картине мира в русских топонимических преданиях Байкальского региона // Мир Центральной Азии-3: сб. науч. ст. – Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 594-597.

55. Тихонова Е.Л. Традиция ряженья в святочном календарно-обрядовом комплексе русского населения Западного Забайкалья // Приволжский научный вестник. Научно-практический журнал. № 11 (15). – Ижевск, 2012. – С. 56-60.

56. Тихонова Е.Л. Русский традиционный фольклор Байкальского региона: жанровый состав, проблемы выживания // История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему. – Пенза – Колин – Белосток: Научно-издательский центр "Социосфера", 2012. – С. 196-201 (в соав. с Матвеевой Р.П.).

57. Тихонова Е.Л. Фольклорное воплощение ценностно-ориентационных основ менталитета забайкальских старообрядцев // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы. Сб-к научных статей. – Гомель: Изд-во Гомельского гос. технического университета им. П.О. Сухого, 2013. – С. 129-131.

58. Тихонова Е.Л. Прагматика и ситуативные факторы порождения текстов исторической прозы (к постановке вопроса) // Проблемы центральноазиатского фольклора: вербальный текст и этнокультурные традиции. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – С. 201-206.

59. Тихонова Е.Л. «Фольклорный» топоним и языковая картина мира (на примере преданий русского населения Бурятии) // Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России. Журнал русской филологии. Вып. 21. – Тайбэй, 2013. – С. 1-19.

60. Тихонова Е.Л. Устные рассказы русских старожилов Бурятии о праздновании «Масленки» // Современная филология: теория и практика. Мат-лы XVI международной научно-практической конференции. 2-3 июля 2014 г., г. Москва. – М.: изд-во «Спецкнига», 2014. – С. 161-167.

61. Тихонова Е.Л. Отражение этноконфессионального самосознания старообрядцев Бурятии в фольклорном тексте (на примере преданий и устных рассказов) // Старообрядчество: История. Культура. Современность. Материалы. Т. II. – М., 2014. – С. 17-24.

62. Тихонова Е.Л. Проблемы бытования и изучения русских народных преданий в иноэтническом окружении // Университет китайской культуры. Вестник факультета русского языка и литературы. Выпуск 16. Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. – Тайбэй, 2015. – С. 361-384.

63. Тихонова Е.Л. Мотив строительства сакральных и профанных сооружений в структуре преданий о заселении и освоении русскими Восточной Сибири // «Рябининские чтения-2015». Материалы VII

Международной научной конференции (7-11 сентября 2015 г., г. Петрозаводск). – Петрозаводск, 2015. – С. 412-414.

64. Тихонова Е.Л. "Народная история" старообрядцев Бурятии // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. – С. 303-311.

65. Тихонова Е.Л. Предания // Старообрядцы (семейские) Бурятии: историко-культурный энциклопедический справочник. – Улан-Удэ: Изд. Дом «ЭКОС», 2015. – С. 155.

66. Тихонова Е.Л. Языковая личность и ее фольклорное воплощение в преданиях и устных рассказах старообрядцев Бурятии // На стыке культур Европа-Россия-Азия: Этнос. Язык. Коммуникация. Сб. научных статей. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2016. – С. 109-114.

67. Тихонова Е.Л. Локальные варианты фольклорной исторической прозы русских старожилов Бурятии о заселении края // I Сибирский Форум фольклористов. Тезисы докладов. – Новосибирск: Академиздат, 2016. – С. 149-151.

68. Тихонова Е.Л. Прагматика преданий и устных рассказов русских старожилов Бурятии о взаимоотношениях с бурятами // Улан-Удэ – 350 лет: история, пространство, общество: сб. науч. ст. / отв. ред. Б.В. Базаров. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. – С. 491-495.

69. Тихонова Е.Л. Прагматический аспект исследования исторической прозы русских старожилов Бурятии (на примере одного предания) // Вестник БНЦ СО РАН. Научный журнал, № 1 (25). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – С. 81-85.

70. Тихонова Е.Л. Семантика и прагматика устных рассказов старообрядцев Забайкалья (семейских) о хозяйственных взаимоотношениях с бурятами // Народы Евразии: История. Культура. Языки. / БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова». Сб. науч. ст. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2017. – С. 406-414.

71. Тихонова Е.Л. Функционально-прагматический подход в исследовании топонимических номинаций в исторической прозе русских старожилов Бурятии // Мир Центральной Азии-IV: сб. науч. ст. – Иркутск: Оттиск, 2017. – С. 468-472.

72. Тихонова Е.Л. Комплекс святочной обрядности и реминисценции святочного обрядового фольклора в устных рассказах (по современным полевым материалам Западного Забайкалья) // III Всероссийский конгресс фольклористов: сб. науч. ст. в 5 т. Т. 1: Актуальные проблемы российской фольклористики. – М.: РОСКУЛЬТПРОЕКТ, 2017. – С. 116-127.

73. Тихонова Е.Л. Фольклорная речь в прагматическом аспекте: текст, дискурс, жанр // Актуальные проблемы лингвистики, межъязыковой и межкультурной коммуникации при обучении иностранным и русскому языкам в современных системах образования. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2017. – С. 31-40.